

КРАМПУС, ПОВЕДИТЕЛЬ ЙОЛЯ

Б Р О М

Бром

Крампус, Повелитель Йоля

Серия «Темные фантазии Джеральда Брома»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34448215

Крампус, Повелитель Йоля : [фантастический роман] / Бром: АСТ;

Москва; 2018

ISBN 978-5-17-107274-2

Аннотация

Как-то на Рождество в одном маленьком местечке в округе Бун, что в Западной Вирджинии, бард-неудачник по имени Джесс Уокер становится свидетелем странного происшествия: семеро существ, напоминающих чертей, гонятся за человеком в красной шубе, подозрительно похожим на... Санта-Клауса. Беглец запрыгивает в сани, запряженные оленями, «черти» – за ними следом, олени взмывают в небо, и все они исчезают в облаках. Оттуда доносятся вопли, а несколько секунд спустя на землю падает мешок – ТОТ САМЫЙ волшебный мешок с подарками. И вот из-за этого-то мешка несчастный музыкант попадает во власть страшноватого (и странноватого) Повелителя Йоля по имени Крампус. Но граница между добром и злом становится не столь очевидной, когда новый хозяин Джесса

начинает открывать ему темные тайны, скрывающиеся за милой внешностью краснощекого Санта-Клауса. В том числе историю о том, как вот уже полтысячи лет назад добродушный Санта заточил Крампуса в темнице и присвоил себе его магию.

Содержание

Часть первая	8
Глава первая	9
Глава вторая	30
Глава третья	72
Глава четвертая	91
Глава пятая	126
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Бром

Крампус, Повелитель Йоля

Brom

Krampus, The Yule Lord

Публикуется с разрешения издательства Harper Voyager, an imprint of HarperCollins Publishers L.L.C. и литературного агентства Andrew Nurnberg

Copyright © 2012 by Gerald Brom

© Е.И. Ильина, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

*Эта книга – для моей жены и любимой
святочной пикси,
Лорили*

Санта-Клаус...

О, как горчит имя твое у меня на языке, едкое, точно кислота: не отплевавшись, не выговоришь. И все же я постоянно твержу его. Оно стало моим личным ругательством, мантрой сквернословия.

Санта-Клаус... Санта-Клаус... Санта-Клаус.

Это имя, как и ты сам, как это твоё Рождество со всеми его извращениями – ложь. Но как же, ты всегда жил в доме из лжи, а теперь этот дом стал замком, твердыней. Так много лжи, что ты и сам позабыл, что такое правда, кто ты есть такой... Забыл своё истинное имя.

Я не забыл.

Я всегда буду здесь, всегда буду служить тебе напоминанием, что ты – не Санта-Клаус, и не Крис Крингле, не Фазер Крисмас, Дед Мороз или Синтерклаас, и уж точно не Святой Николай. Санта-Клаус – всего лишь ещё одна твоя личина, ещё один кирпичик в твоей твердыне.

Твое истинное имя я произносить не буду. Нет, только не здесь и не сейчас, когда я гнию в этой чёрной дыре. Звук твоего имени, отражающийся от стен моего узилища, это... Этот звук способен свергнуть кого угодно в истинное безумие. Этому имени придется подождать до того дня, когда я вновь увижу, как волки гонят по небу Мани и Соль¹. До того дня, который близится, поверь – может быть, ещё недели две, – и твои чары будут, наконец, разрушены, замкнутые тобой цепи падут и ветер свободы принесет меня к тебе.

Я не стал поедать свою собственную плоть, вопреки твоему любезному предложению. И безумие не забрало меня к себе даже после того, как я просидел в этой могиле половину тысячелетия. Я не сгинул, не послужил пищей червям,

¹ В скандинавской мифологии брат и сестра, персонификация луны (Мани) и солнца (Соль).

несмотря на твои предсказания. Уж ты-то мог бы знать, что я никогда этого не допущу, пока я помню еще твое имя, пока возмездие скрашивает мое одиночество.

Санта-Клаус, дорогой мой старый друг, ты – вор, предатель, доносчик и лжец, но что самое худшее, ты – злая насмешка надо всем, что было когда-то мной.

Спето твое последнее «хо-хо-хо», я иду. За Одина, за Локи, за всех падших богов, за твое вероломство, за то, что держал меня в цепях здесь, в этой дыре, пятьсот долгих лет. Но, что важнее всего, я иду, чтобы забрать то, что мое по праву. Вернуть себе Йоль, мои святки. Лишь наступив тебе на горло, я назову твое имя – твое истинное имя – и, когда смерть заглянет тебе в глаза, тебе уже не спрятаться от своих черных дел, от тех, кого ты предал.

Я, Крампус, Повелитель Йоля, сын Хель, кровь от крови великого Локи, клянусь вырезать твой лживый язык из лживой твоей глотки, отрубить твои загребушие руки и веселую твою головушку.

Часть первая

Джесс

Глава первая

Человек в костюме Санты

Округ Бун, Западная Вирджиния

Рождество, 2 часа пополудни

Джесс Бервелл Уокер молился, чтобы его пикап продержался, по крайней мере, еще одну зиму, не развалившись на две ржавые половины. Пикап этот, серый когда-то «Форд Ф-150» 1978 года, достался ему в наследство от отца, когда старик проиграл, наконец, свою долгую битву с «черными легкими»². Теперь на стеллаже для ружей лежала гитара, а заднее окно кузова украшал стикер: «А ЧТО БЫ СДЕЛАЛ ХЭНК».

Под колесами захрустел присыпанный снегом гравий: Джесс свернул с Третьего шоссе на дорожку трейлерного поселка Кингз-Касл. Около месяца назад Джессу стукнуло двадцать шесть, и был он высоким, худощавым, с темными волосами и бачками, которые явно пора было подровнять. Постукивая своими длинными пальцами – то что надо, для гитариста – по зажатой между коленками бутылке «Wild Turkey», он медленно катился между трейлерами, припорошенными снегом, мимо выдавших виды пластиковых Сант и

² «Черные легкие» (также «болезнь шахтеров»; мед. антропокоз) – вид пневмокозноза – необратимого и неизлечимого заболевания легких, вызванного длительным вдыханием промышленной (в данном случае каменноугольной) пыли.

снеговиков, мимо пенопластового оленя Неда Бернетта, заодно служившего хозяину мишенью. Олень висел вниз головой на качелях Недова парнишки, будто ожидая, чтобы его освеживали, а к его носу Нед прикрутил красную лампочку. Джессу это казалось забавным – первые раза два, – но бедняга Рудольф³ висел так со Дня Благодарения⁴, и шутка успела несколько обрасти бородой. Кое-где в окнах торчали жалкие пластиковые елочки, подсвечивая огоньками жалкие комнатухи, но в общем и целом в трейлерах Кингз-Касла царил темнота – их обитатели либо нашли себе местечко повеселее, либо вовсе решили не напрягаться. Джессу не хуже других было известно, что для округа Бун настали нелегкие времена, и праздновать многим было особо нечего.

Пикап перевалил через пригорок, и впереди показался двойной трейлер старушки Милли Боггз, обнесенный белым штакетником и пластиковыми цветами в горшках. Милли была владелицей Кингз-Касла, и, смотрите-ка, она опять выставила свой пластиковый вертеп между подъездной дорожкой и помойкой. Иосиф упал, внутри у Марии не горела лампочка, но малютка Иисус сиял изнутри во все двести вольт (по догадке Джесса), имея при этом довольно радиоактивный вид. Миновав вертеп, Джесс съехал вниз, под уклон, и

³ Рудольф – популярный в США рождественский персонаж, олененок со смешным красным носом.

⁴ Государственный праздник в США, отмечаемый в четвертый четверг ноября. С этого дня начинается праздничный сезон, длящийся по Новый год включительно.

затормозил возле маленького фургончика, стоявшего среди сосен.

Когда Милли отдавала ему ключи от трейлера, то назвала хибару «временной мерой», потому что, как она выразилась, «никто не должен жить подолгу в такой теснотище». Джесс заверил ее, что это всего на пару недель, пока они с Линдой – его женой – не разберутся между собой.

Это было уже почти два года назад.

Заглушив мотор, Джесс поглядел на трейлер.

– Ну, с Рождеством, – открутив у бутылки крышку, он как следует хлебнул виски, утер рот рукавом куртки и сделал приветственный жест бутылкой в сторону трейлера. – А вот мне, например, все по хрен.

Вдоль крыши тянулась одна-разъединственная гирлянда. Джесс, как и всегда, не потрудился снять гирлянду после очередного Рождества, и все, что нужно было теперь сделать, дабы приобщиться к праздничному духу – это воткнуть вилку в розетку. Вот только все лампочки давно перегорели, за исключением одинокого красного огонька прямо над дверью. Лампочка то загоралась, то гасла опять, подмигивая, зазывая его в дом. Джессу в дом не хотелось. Ему не хотелось опять сидеть на жеваном, старом в полосочку, матрасе и пялиться в обшитую дешевыми деревянными панелями стенку. Было у него такое свойство: видеть среди сучков и разводов на дереве лица – печальные лица, истерзанные страданием лица. Там, в доме, он не мог притворяться, не мог

прятаться от того факта, что вот еще одно Рождество, которое он проводит в полном одиночестве. А человек, который проводит Рождество в одиночестве, в этом мире один, как перст, это каждому ясно.

Твоя жена-то, ясен хрен, не одна. Верно?

– Прекрати.

И где же она, Джесс? Где Линда?

– Прекрати.

Она у него дома. Хороший, красивый дом. С хорошей, красивой, большой елкой. Уж наверняка под елкой полно подарков, на которых – ее имя. И подарков с именем малышки Эбигейл, наверное, тоже немало.

– Прекрати, – прошептал он. – Пожалуйста, давай просто оставим это.

А лампочка все продолжала издевательски подмигивать, швыряя ему в лицо его собственные мысли.

«Мне не обязательно туда идти, – подумал он. – Можно и в кузове поспать. В первый раз, что ли?» У него в кузове даже лежала скатка с одеялом – в основном для тех случаев, когда Джессу приходилось играть не в городе. Увы, в кабаках недотыкомке-гитаристу редко платили столько, чтобы хватило и на мотель, и на бензин до дома. Он глянул в окно, на снег.

– Черт, слишком холодно.

Джесс посмотрел на часы; время было раннее, по крайней мере, для него. Обычно, играя в «Рустере», он добирался

до дома не раньше четырех утра. Он попросту не успел еще устать – или набухаться – настолько, чтобы заснуть. Джесс знал: пойдя он сейчас домой, и будет пялиться и пялиться часами на лица среди древесных разводов.

Сид закрыл «Рустер» раньше обычного – не из-за Рождества, нет: сочельник для Сиды был довольно хлебным времечком. Их много таких – потерянных душ вроде Джесса, тех, кому неохота возвращаться в пустые гостиные и спальни – только не на Рождество.

«Как бы мне хотелось пристрелить того сукиного сына, который придумал этот чертов праздник, – подумал Джесс. – Может, это счастливое время, если кому повезло семью иметь и родных, но для нас, для всех остальных неудачников, это просто еще одно напоминание о том, сколько дерьма способна скормить тебе жизнь».

В этот раз в «Рустер» притащилось всего шесть или семь доходяг, и большинство из них – исключительно ради бесплатной рождественской выпивки, которой скупно оделял своих клиентов Сид. Джесс отставил комбик в сторону, решив обойтись исключительно акустикой, и играл подряд всю старую добрую рождественскую классику, но всем было плевать – кажется, никто даже не слушал. Только не сегодня. Похоже, Дух Прошлогодней Елки прочно обосновался в баре, и все пялились себе в стаканы с отсутствующим видом, будто желая оказаться где-нибудь в другом месте – или в другое время. И поскольку никто ничего не покупал, Сид прикрыл

лавочку что-то около часа ночи.

Джессу Сид сказал, что сегодняшний вечер обернулся полным финансовым провалом, и спросил, не возьмет ли Джесс уже открытую бутылку сауэр мэша⁵ вместо своей обычной двадцатки. Джесс вообще-то рассчитывал на эти деньги, думая купить дочке – Эбигейл было пять лет – подарок на Рождество. Но бухло он взял. Сказал себе, что это ради Сиды, чертовски хорошо зная, что это не так.

Джесс бросил на бутылку мрачный взгляд.

– Всего одну вещь она у тебя попросила. Куклу. Одну из этих «Тин Тайгер», которые везде продаются. Не слишком сложная просьба. Нет сэр... Не слишком.

В голове у него зазвучал голос жены: «И почему тебе обязательно надо всегда все портить?» Ответа у него не было.

«Почему я всегда все порчу? Впрочем, еще не поздно. Я могу зайти в ломбард к Дикеру в понедельник».

Вот только он знал – у него не осталось ни хрена, закладывать больше нечего. Он уже продал телик и колонки, хорошие шины, и даже кольцо, которое оставил ему отец. Джесс потерял поросший щетиной подбородок. Что же у него осталось? Он снял с оружейного стеллажа гитару, положил на колени. «Нет, я просто не смогу. – Он взял аккорд. – А почему бы и нет?» Чертова штука не принесла ему ничего, кро-

⁵ Вид виски, при производстве которого используется т. н. «метод закваски» – около четверти кубового остатка добавляют в новое сусло, которое еще не прошло брожения. За счет этого вкус и аромат напитка остается постоянным и неизменным. Этим методом изготавливается большинство марок виски США.

ме горя. И потом, это была единственная ценная вещь, которая у него осталась. Он покосился на руку, на обручальное кольцо. Ну, почти. Джесс положил гитару на пол, поднял руку, и кольцо вспыхнуло золотом в свете уличных фонарей. И почему он до сих пор от него не избавился? Богу известно, Линда свое больше не носила. И все же он просто не мог справиться с духом и продать кольцо. Будто оно могло каким-то образом вернуть их друг другу.

Джесс нахмурился.

– Я что-нибудь придумаю. Что-нибудь, – вот только он знал: ничего он не придумает. – Эбигейл, кроха, – сказал он. – Прости.

Его слова гулко и пусто разнеслись по кабине пикапа. Он что, скажет ей это опять? Сколько раз можно повторять эти слова маленькой девочке, прежде чем они перестанут что-либо значить?

Он сделал еще глоток, но спиртное вдруг стало отдавать горечью. Завинтив крышку, Джесс уронил бутылку на пол. Лампочка загоралась и гасла, загоралась и гасла. «Не могу я туда идти. Не могу провести еще одну ночь в этой дыре, думая о Линде и о том, что она сейчас с ним. Думая об Эбигейл, о моей собственной дочери, в доме у другого мужчины. О подарке, который я ей не купил... Не смог купить».

– Меня задолбало все время чувствовать себя виноватым, – слова упали в тишину окончательно, бесповоротно.

Джесс рывком открыл крышку бардачка и принялся ша-

рять среди аудиокассет, купонов на скидку и мятых документов на машину, пока его пальцы не наткнулись на холодную, твердую сталь короткоствольного пистолета тридцать восьмого калибра. Он взял пистолет в руки, посмотрел, как на темном металле пульсируют красные отсветы. Тяжесть оружия в руках успокаивала, вселяла уверенность – в конце концов, это была единственная вещь, на которую он мог положиться. Джесс проверил барабан, убедился, что в каждом гнезде сидит по пуле, а потом, не торопясь, вставил ствол между зубов, так, чтобы дуло было направлено вверх, в небо. Его тетушка Пэтси пыталась вышибить себе мозги в девяносто втором, вот только она сунула ствол прямо в рот и, спустив курок, просто-напросто снесла себе заднюю сторону шеи. Раскучила позвоночник у самого основания черепа, и последние три месяца жизни провела в больнице, бессмысленно пуская слюни. Джесс не намеревался давать жене еще один повод назвать его неудачником.

Он взвел курок. Чертова лампочка все мигала – горит, не горит, горит, не горит, будто обвиняла его в чем-то – да во всем. Джесс положил палец на спусковой крючок. Горит, не горит, горит, не горит, все настойчивей, все ближе. У него задрожала рука.

– Давай! – прорычал он в дуло. – Сделай это!

Он зажмурился; по щекам катились слезы. Ему вдруг ясно представилось лицо дочери и ее голос – так отчетливо, будто Эбигейл сидела в машине, рядом с ним: «Пап? Ты когда

приедешь домой, пап?»

Из горла у него вырвался отвратительный, утробный, исполненный боли звук – не то рыдание, не то смешок. Вынув пистолет изо рта, Джесс аккуратно поставил предохранитель на место и уронил «пушку» на пассажирское сиденье. На глаза ему попала бутылка, и с минуту он злобно играл с ней в гляделки, а потом, опустив стекло, размахнулся и запустил бутылкой в ближайшую сосну. Он промахнулся, и бутылка покатилась, подпрыгивая, в неглубоком снегу. Окно закрывать не стал – хорошо было чувствовать на лице морозный воздух. Уронив голову на руль, Джесс закрыл глаза и заплакал.

– Я так больше не могу.

* * *

Раздался легкий звон, потом будто кто-то всхрапнул. Джесс выпрямился, сморгнул. Он что, заснул? Потерев лоб, он огляделся. В конце переуллка, в тупике, стояли олени. Восемь штук, прямо перед воротами Такеров. Олени были запряжены в сани, и даже в слабом, мерцающем свете гирлянд было видно, что это настоящие сани, а не рождественская фальшивка. Высотой они были почти со взрослого мужчину, и дощатые борта блестели темным, густо-алым лаком. По красному полю вилась тонкая золотая роспись. Вся конструкция покоилась на двух основательных полозьях с изящ-

но изогнутыми передними концами. Джесс никак не мог проморгаться. «Мне это не кажется, я даже не пьян. Вот дерьмо, у меня ж даже в голове не шумит». Один из оленей топнул копытом в снег и фыркнул, выпустив в морозный воздух облачко пара.

Джесс взглянул назад, на дорогу. На нетронutom снегу темнели следы колес его пикапа – и больше ничего. «Черт, откуда же они взялись?»

Тут все олени, как один, подняли головы и посмотрели вверх – туда, где дорога исчезала за гребнем холма. Джесс проследил за их взглядом, но не увидел ничего. А потом он услышал тяжелый топот – будто кто-то бежал в тяжелых ботинках, и очень быстро.

«Ну что там еще?»

Мужик с белой бородой, в сапогах до колен, в алом костюме Санта-Клауса, отороченном белым мехом, с огромным красным мешком, бежал вниз по дороге, так, что гравий хрустел под сапогами – несяся, как на пожар, будто кто-то за ним гнался.

За ним и вправду кто-то гнался.

Четыре фигуры возникли на гребне холма, прямо рядом со светящимся вертепом Милли. Какие-то черные люди, все в потрепанных темных толстовках с капюшонами, у всех – палки или дубинки. Притормозив, они заозирались, и тут один из них заметил мужика в костюме Санты. Взвыв, он ткнул дубинкой в направлении бегущей фигуры с развеваю-

щейся белой бородой, и вся компания бросилась вдогонку.

– Какого черта!

Мужик в костюме Санты пронесся мимо Джесса, явно устремляясь к саням. Он пыхтел на бегу, дико выпучив глаза; похожие на яблочки щеки покраснелись от усилий, на лице – яростная гримаса. Фигура у него была полная, даже скорее массивная – не тот пухлый Санта, к которому все привыкли, нет, – у этого были широкие плечи и грудь, похожая на бочку.

Тем временем свора преследователей скатилась вниз по склону, размахивая своими дубинками, и тут до Джесса вдруг дошло, что на них были вовсе не толстовки, а плащи – настоящие плащи из меха, кожи и перьев, которые плескали и хлопали на ветру у них за плечами. Они неслись длинными, какими-то звериными прыжками, быстро сокращая разрыв. Блеснула сталь, и Джесс заметил гвозди, торчавшие из дубинок, и острые-острые лезвия, которыми заканчивались палки. По спине у него пробежали мурашки: глаза у всех преследователей светились тусклым оранжевым светом, кожа отблескивала иссиня-черным и была покрыта какими-то пятнами, а из голов торчали *рога* – как у чертей.

– Какого х...

Еще двое вынырнули откуда-то из-за трейлера Такеров и бросились наперерез «Санте». Эти были в джинсах, сапогах и черных куртках с капюшонами. «Санта» даже не притормозил; пригнув голову, он врезался плечом в первого напа-

дающего, так, что тот наткнулся на второго, и оба, не удержавшись на ногах, покатались по земле.

Грохнул выстрел. Один из преследователей выхватил пистолет и выпалил в «Санту». Потом он – оно – выстрелило еще раз. От саней полетели щепки.

– Прочь! – заорал «Санта». – Прочь!

Над бортиком переднего сиденья показалась голова – вроде как мальчишечья, только с длинными, заостренными ушами. Увидев, что происходит у «Санты» за спиной, он выпучил глаза. Живо подхватил поводья, тряхнул. Олени прыгнули вперед, и сани – сани вдруг поднялись над землей.

– Какого... черта... здесь... творится?

Мужик в костюме Санты забросил мешок на заднее сиденье и заскочил следом сам. Джесса поразило, как ловко, как легко двигался этот явно немолодой уже, полный человек. Сани продолжали подниматься – они набрали уже добрых пятнадцать футов над землей. Джесс подумал было, что «Санте» удастся сбежать, когда один из «чертей» – тот что был впереди – прыгнул. Прыгнул на невозможную, как показалось Джессу, высоту и ухватился за полоз. Его вес рывком потянул сани вниз, чуть их не опрокинув. Оставшиеся пятеро «чертей» прыгнули вслед за первым; четверо приземлились уже в санях, а пятый вскочил на спину переднему оленю. Животные, неистово вращая глазами и раздраженно фыркая, загребали копытами воздух, и весь цирк, двигаясь по спирали, принялся набирать высоту.

Еще три выстрела. Джесс был совершенно уверен, что «Санте» конец, но, если в того и попали, он явно об этом не знал. Он отвесил одному из своих противников роскошный пинок, прямо в грудь, так, что тот упал на товарища и оба чуть не полетели с саней вниз. Пистолет вылетел у твари из рук и упал в снег. Другой «черт» ухватил мешок и сделал попытку спрыгнуть с саней. Человек с белой бородой испустил неистовый вопль, бросился на него и принялся избивать так, будто сорвался с цепи. Мощным ударом кулака он разнес «черту» нос. Хруст сломавшейся кости был отчетливо слышен даже в пикапе, далеко внизу. Черный человек обмяк, и «Санта» вырвал у него мешок – как раз в тот момент, как остальные всем скопом бросились на него.

Сани рванули вверх, по спирали, все быстрее и быстрее, и Джессу уже не было видно, что там происходит, слышны были только крики и вой, а сани, вращаясь все быстрее, уходили вверх. Он вышел из пикапа и, задрав голову, проводил взглядом уменьшающийся силуэт. Надвинулись тучи; опять шел снег. Очень скоро сани исчезли в ночном небе.

Тишина.

Джесс выдохнул.

– Твою мать, – он выковырял пачку сигарет из нагрудного кармана своей джинсовой куртки. Как раз тогда, как он нашел зажигалку, Джесс услышал какой-то звук и снова задрал голову. Кто-то кричал. Крик становился все громче, и вот в небе показалась какая-то черная крапинка, которая, кувыр-

каясь, летела к земле.

* * *

«Черт» рухнул аккуратно на лобовое стекло «камаро», принадлежавшего парнишке Такеров, смяв капот и зажав, по всей видимости, клаксон – непрерывный истошный гудок далеко разносился по заснеженной улице.

Джесс едва успел сделать шаг по направлению к машине, как что-то, ломая нависшие ветки деревьев, рухнуло прямо на его трейлер, пробив крышу. Он обернулся как раз в тот момент, когда заднее окошко осыпалось осколками, а рождественская гирлянда свалилась вниз – и это чертова красная лампочка, наконец, погасла. Джесс повертел головой, не зная, куда бежать, потом снова двинулся к человеку, неподвижно лежащему на капоте машины.

Повсюду в трейлерах загорались огни, из дверей и окон высывались головы.

Когда Джесс подошел к машине, гудок, наконец, замолк, издав перед этим какое-то жалостное блянье, будто умирающая коза. Джесс посмотрел на темнокожего «черта» – только тот не был по-настоящему чернокожим, и чертом он тоже не был. На нем был грубо сшитый плащ, из, должно быть, медвежьей шкуры, а волосы и одежда – или, скорее, лохмотья – были вымазаны в чем-то черном, вроде смолы или сажи. Своим видом он напомнил Джессу шахтеров, когда они

возвращались по вечерам после рабочей смены: лицо, руки, вся кожа – в засохшей подтеками корочке угольной пыли. А рога были просто коровьими, пришитыми по бокам капюшона. Но глаза – его глаза горели, в буквальном смысле – светились тусклым оранжевым огнем с черными пульсирующими точечками зрачков посередине. Эти глаза следили за Джессом, смотрели, как он огибает машину. Джесс заколебался, стоит ли подходить ближе. Станный человек поднял руку и потянулся к Джессу длинными, иззубренными ногтями. Открыл рот, попытался заговорить, но из губ только плеснуло кровавой пеной. Его рука упала и взгляд застыл, не мигая, упершись прямо в Джесса. Станные, пугающие глаза «черта» медленно погасли и стали карими – самыми обычными карими человеческими глазами.

– Нет, ну это вообще странно как-то, – сказал женский голос.

Джесс вздрогнул – рядом с ним стояла Филлис Такер, в ночной рубашке, в тапках и в охотничьей куртке своего мужа. Филлис было уже за семьдесят – маленькая, хрупкая пожилая дама; куртка смотрелась на ней скорее как пальто или шуба.

– Что?

– Говорю, это было странно.

Он рассеянно кивнул.

– Видал, как у него глаза изменились?

– Угу.

– Это было очень странно.

– Да, мэ, это уж точно.

Подошли еще несколько человек: они явно выбрались из дома, чтобы узнать, что тут происходит.

– Думаешь, он умер? – спросила Филлис.

– Мне кажется, да.

– Выглядит он мертвым.

– Да, похоже на то.

– Эй, Уэйд! – крикнула Филлис. – Вызови-ка «скорую»!

Уэйд, слышишь меня?

– Слышу, слышу, – отозвался тот. – Трудно тебя не услышать. Они уже едут. Ну и холодина, гребись оно конем! Ты моей куртки не видела?

Подошли двое девчонок Пауэлл, подростки Тина и Трейси – они жили за три трейлера отсюда. За ними – сам Том Пауэлл и его жена Пэм. Пэм пыталась прикурить сигарету, не выпуская из рук пива, и при этом продолжала разговаривать по телефону.

– Чего это он такой черный? – спросила Тина и, не предоставив никому шанса дать ответ, добавила: – Откуда он?

– Уж точно не отсюда, скажу я тебе, – ответила Филлис.

– Он явно откуда-то свалился, – сказал Том. – Откуда-то с большой высоты.

– Типа, из самолета, что ли? – спросила Тина.

– Или из саней Санты, – вставил Джесс.

Филлис окинула его кислым взглядом.

– Вряд ли Господь одобрит неуважительное отношение к мертвым.

Вытащив изо рта сигарету, Джесс ухмыльнулся:

– Господь не одобряет практически все, что я делаю, миссис Такер. Вы разве не заметили?

Подошел Билли Такер, подтягивая на ходу джинсы.

– Вот дерьмо! Моя машина! Вы только посмотрите, что он сделал с моей машиной!

Откуда-то издалека донесся вой сирены. «Что-то слишком быстро для “скорой”. Наверное, патрульная машина». Джесс напрягся. С него было достаточно проблем, на сегодня уж точно. И если шеф Диллард сегодня на дежурстве, то неловкая сцена обеспечена. Джесс потихоньку отступил и пошел к себе в трейлер.

Примерно на полпути он вспомнил, что с неба свалилось что-то еще. Пробило ему крышу, если уж быть точным. И было довольно много шансов на то, что это что-то до сих пор находится у него дома. «Еще один из этих?» Он все никак не мог выкинуть из головы глаза той твари, эти страшные, оранжевые глаза. Одно он знал точно: находиться в одном помещении с таким вот хрен-знает-кем ему не хотелось, особенно если тот еще мог шевелиться. Он сунул руку в окно пикапа и взял с сиденья свой револьвер. Успокоительное действие пистолета явно закончилось: он вдруг показался Джессу каким-то маленьким и совсем легким. У Джесса вырвался злой смешок. «Я боюсь? Да неужели? Боюсь, что

кто-то меня убьет? Я ж сам только что собирался вышибить себе мозги». Да, все так, но почему-то это было совсем другое дело. Он точно знал, что именно сделает с ним пуля, но эта тварь у него в трейлере? Кто знает?

Он осторожно вставил ключ. Повернул, пытаясь сдвинуть засов как можно тише. Засов упал с громким лязгом. «Черт, с тем же успехом мог бы и в дверь позвонить». Держа пистолет перед собой, Джесс осторожно потянул на себя дверь, которая открылась с протестующим скрипом. Его встретила темнота. Он ступил было внутрь, потянулся к выключателю – и остановился. «Твою мать, нет, этого лучше не делать». Прикусив губу, Джесс встал на кирпич из шлакобетона, служивший ему ступенькой. Потом, сжимая пистолет в правой, потянулся левой рукой в темноту и зашарил по стенке, пытаясь нащупать выключатель и испытывая полную уверенность: вот-вот что-то откусит ему пальцы. Выключатель щелкнул, и над головой замигала галогеновая лампа.

В трейлере было всего три крошечных помещения: кухня-столовая, ванная и спальня. Все еще стоя на ступеньке, Джесс заглянул внутрь. В кухне не было ничего, кроме недельного запаса грязной посуды, горы одноразовых тарелок и пары пластиковых стаканчиков. Дверь в ванную была распахнута настежь. Там тоже никого не было, но дверь спальни оказалась закрыта, и он не мог припомнить, так ли он ее оставил, или нет. «Придется тебе пойти посмотреть, что там». Но его ноги вдруг решили, что им и так хорошо, и

он остался стоять, где стоял, тупо пялясь на закрытую дверь.

Снаружи плеснуло синим и красным светом; с горки спускалась патрульная машина. Он подумал, что за милую картину он собой представляет – стоя перед трейлером, тычет внутрь пистолетом. «Ладно, – сказал себе Джесс, – это тот самый момент, когда надо все не испортить». Он шагнул внутрь и прикрыл – но не захлопнул – за собой дверь.

Целую минуту он смотрел на дверь, потом, наконец, буркнул: «на хрен», подошел и повернул ручку. Дверь открылась наполовину и застряла. Что-то было там, с другой стороны. До Джесса вдруг дошло, что сигарету он перекусил пополам, и он выплюнул остатки. «Не нравится мне это... Совсем не нравится». Держа пистолет на уровне глаз, он толкнул дверь носком ботинка. На дальней стороне кровати виднелся чей-то сгорбленный силуэт.

– А ну, мать твою, не двигаться, – сказал Джесс как мог, сурово, но голос предательски дрогнул.

Не опуская пистолета, он хлопнул по выключателю на стене. Лампа валялась на полу с разбитым абажуром, но лампочка каким-то чудом уцелела и загорелась, пустив по стенам причудливые тени.

– Ну, будь я проклят! – выдохнул Джесс.

Не было никаких оранжевоглазых демонов, готовых проглотить его целиком, был только мешок – большой красный мешок с горловиной, обвязанной золотым шнуром. Мешок, который, провалившись сквозь крышу, упал прямо Джессу

на кровать.

Продолжая держать мешок на мушке, Джесс выудил из пачки свежую сигарету и прикурил свободной рукой. Глубоко затянулся и некоторое время наблюдал, как на полу в его комнате постепенно формируется сугроб. Еще пара затяжек, и его нервы как будто начали успокаиваться. Он стал одной ногой на кровать, подался вперед и пару раз потыкал дулом в мешок, будто тот был набит змеями.

Ничего не произошло.

Джесс развязал золотой шнур, открыл мешок и осторожно заглянул внутрь.

– Будь я проклят.

Глава вторая

Мешок Санты

– Где же мои Бельсникели?

Крампус изо всех сил натянул цепи, так, что древний ошейник впился ему в горло. Задрал голову и – вот оно! – бледный отблеск далеко вверху, на каменной стене. «Лунный свет – или первые лучи солнца?»

Он поскреб свою грязную, кишасшую насекомыми шкуру и изучающе оглядел обломанные ногти, из-под которых торчали грязные волосы и куски засохшей корками плоти. «Я гнию живо. Пока он купается в удовольствиях, я каждый день понемногу умираю. – Он вдруг заметил, что пальцы у него дрожат. – Я что, дрожу? Стою здесь и дрожу, как малое дитя? – Он стиснул руки. – А что, если они никогда не вернутся? Что тогда? На что я могу надеяться без моих детей? Не будет никакой надежды, никаких шансов на то, что имя мое снова распространится по земле, а без надежды даже я, великий Повелитель Йоля, рано или поздно сдамся на милость безумия. Буду медленно погружаться в небытие, пока он не одержит окончательную победу».

– Нет! – взрыкнул он. – Никогда! Я никогда не позволю ему победить. И если от меня останется только иссохший труп, пусть так! Но мой дух никогда не будет знать покоя. Я стану чумой в его доме. Я буду вечно тревожить его. Я

буду... Я буду...

Его голос угас. Зажмурившись, Крампус уткнулся лбом в холодную стену пещеры, прижал ладони к влажному камню и замер, надеясь уловить дрожь земли под их бегущими ногами.

– Бельсникели вернутся, – проговорил он. – Они просто обязаны вернуться. Они должны принести мне обратно мешок Локи.

Свет там, наверху, мигнул, и у него заколотилось сердце. Крампус сделал глубокий вдох – еле заметно пахнуло сосновыми иглами и влажной, гниющей листвой. Он прикрыл глаза, пытаясь вспомнить, какой он, зимний лесной рассвет. Каково это – бежать, танцуя, среди деревьев, а свежий, морозный воздух покусывает за шею.

– Скоро, – прошептал он. – Скоро я вновь зашагаю по милой Матери-Земле, и они будут приветствовать меня, радуясь моему возвращению. Будут празднества и пиры, как раньше, и *гораздо, гораздо больше*.

Нахлынули воспоминания – калейдоскоп картинок, быстро сменяющих друг друга, тысячи ушедших святок: бой барабанов, вызывающий его из леса; звук рога, знаменующий его приход; юноши и девушки с глазами, полными страха и восхищения, обвивают его гирляндами из перьев и омелы, венчают остролистом; кружащиеся в танце девы усыпают его путь свежими сосновыми иглами, окуривают благоуханной хвоей и ведут его между хижинами, а следом выступа-

ют строем, ударяя мечами в щиты, мужчины, и скачут беснующиеся, вопящие женщины. Вот перед ним открываются двери господского дома, и его приветствует манящий запах жареного вепря. Они усадят его на огромный трон, сплетенный из ветвей, во главе длинного стола, и будут потчевать лучшими кушаньями и медовой брагой – ешь, пей до отвала. А потом они проведут перед ним своих самых пухленьких женщин, и он будет ложиться с ними, и они будут совокупляться, как звери в лесу, и он благословит их чрева здоровьем и плодородием.

И, когда его сердце наполнится преданностью и верой людской, он провозгласит пришествие святок, поторопит возрождение земли и изгонит прочь духов голода и болезни. И круговорот жизни продолжится, вновь и вновь.

«И уже скоро, – подумал он, – я вновь буду благословлять род людской. Но на сей раз это будут люди Виргиний. Потому как эта новая земля, Америка, сильно нуждается во мне, нуждается в том, чтобы я был велик и ужасен, чтобы я прогнал прочь духов тьмы и обрушил кару свою на нечестивцев и грешников. И так оно и будет, потому что Крампус, Повелитель Йоля, знает, как быть ужасным. И я буду ужасным, и они все поклонятся мне, и будут праздновать мой приход, и осыплют меня дарами и яствами, и... и приведут ко мне молодых женщин своих, чтобы я их благословил. – Он кивнул, улыбнулся, глядя перед собой невидящими глазами. – Они меня полюбят. Они все меня полюбят, дай только срок».

– Ну, будь я проклят, – сказал Джесс еще раз, для ровного счета.

Внутри мешка виднелся угол какой-то коробки. Сунув пистолет в карман куртки, Джесс вынул из мешка коробку. И ухмыльнулся до ушей. Это была новенькая, с иголки, кукла «Тин Тайгер».

– Да, Эбигейл, детка, Санта-Клаус действительно существует.

Он покрутил куклу в руках. Из-под роскошной копны сверкающих волос на него глядела пара соблазнительных, густо подведенных, синих кошачьих глаз. Он было задумался, насколько вообще позволительно игрушке иметь такие вот пухлые, ярко-алые губы, мини-юбку «под тигра» и гордо обнаженный пупок, и тут до него дошло: как странно, что в мешке оказалась именно эта кукла. Ну, это мешок Санты, понятное дело, и, конечно, Джесс надеялся, что внутри будут игрушки, а еще ему подумалось, что среди них может быть кукла «Тин Тайгер», верно? Тааак, и о какой же из них он подумал? Он опять посмотрел на куклу. Тина Тайгер, как раз та, которую хотелось его дочке. Лежит себе на самом верху, будто мешок нарочно подсунул ему игрушку. «Эта штука будто мысли мои читает. – Волосы у него на руках стали торчком, по спине пробежал холодок, и он подозрительно

покосился на мешок. – Ладно, ладно, успокоились. Ты и так уже порядком сбит с панталыку».

Он сделал глубокий вдох. Затем поднял мешок и поразился, насколько тот оказался легким – Джесс спокойно мог держать его на вытянутой руке. Размером мешок был с большой мусорный пакет, какими пользуются в саду. Джесс стряхнул с мешка снег и отнес его вместе с куклой на кухню, прикрыв за собой дверь спальни, чтобы не напустить в дом холода.

Подъехала «скорая», и за окном замелькали цветные всполохи, окрашивая комнату то в красный, то в синий. Джесс бросил мешок на пол и не сводил с него взгляда, пока не докурил сигарету, потом подтянул к себе стул и уселся. Сунул большой палец в горловину мешка, осторожно растянул ее и с опаской заглянул внутрь, немного опасаясь: а вдруг оттуда что-нибудь выскочит? Черная бархатная подкладка мешка сливалась с темнотой внутри, и вглубь было видно дюйма на три-четыре, не больше. Было в этой темноте что-то неестественное, и чем больше Джесс вглядывался в тени внутри мешка, тем ему становилось яснее, что видит он вовсе не тени, а что-то вроде дыма или густого, курящегося пара. Дым этот бурлил внутри мешка, постоянно двигаясь и образуя водовороты, но наружу не шел.

Джесс пощупал мешок снаружи. В нем явно что-то было – на ощупь он оказался вроде того кресла-мешка, какое у него было в детстве. На мешок можно было надавить, сжать, но он всегда возвращался к прежней форме. Джессу страшно

хотелось узнать, что еще лежит там, внутри, но совать руки в эту дымную жижу он совершенно не торопился.

Он опять заглянул внутрь, раздумывая о том, как обрадуется Эбигейл, если он принесет ей не одну, а, может, парочку этих шлюховатых кукол. Сглотнув, он медленно опустил руку в мешок. Его пальцы исчезли в курящемся тумане, потом кисть, потом локоть. Джесс отметил перепад температуры – внутри мешка было гораздо теплее, – и вдруг его посетила абсолютная уверенность в том, что мешок этот – живое существо, а его рука находится у этого существа во рту, и в любой момент оно может захлопнуть пасть, как медвежий капкан. Что-то стукнулось о его запястье, и Джесс, вскрикнув, выдернул руку из мешка. Осмотрел ее, точно ожидая, что она будет покрыта пиявками, но все было в порядке.

– Черт. Соберись, тряпка.

Он стал думать об еще одной такой кукле – азиатке с татуировкой дракона – и, прикусив губу, опять опустил руку в мешок, и вот она уже исчезла по локоть. Джесс молился, чтобы рука вернулась к нему целиком. Поводив рукой, он опять наткнулся на какой-то предмет. На ощупь нечто вроде коробки. Он вытащил предмет из мешка и не особо удивился, обнаружив, что глядит в экзотические фиолетовые глаза Цинь Тайгер.

Джесс крикнул. «Ладно, понятненько». Подумал о кукле-готке, потом о рыжей, и вытащил обеих. На этом он не остановился. Всего неделю назад, восседая у него на коле-

нях с буклетом *Toys «R» Us*, дочка назвала поименно всю шестерку «Тин Тайгер», разъяснила все насчет их суперспособностей, сообщила ему, какие именно ей нравятся больше всего, и без каких аксессуаров абсолютно невозможно обойтись. Она также подробно объяснила, насколько трудно девочке ее лет есть, спать, или даже дышать, не будучи владелицей одной из этих потрясающих кукол.

Минуту спустя на столе у Джесса выстроилась вся компания тигродевушек, а также красный, в тигриную полоску «корвет» и две упаковки с аксессуарами. И не нужно было быть гением, чтобы понять: все это никак не могло поместиться в мешке за раз. «Значит, мешок их каким-то образом делает. – И тут до него дошло. – Мешок сделает все, чего я ни пожелаю!» Глаза Джесса округлились, он даже перестал на секунду дышать. Неужели это правда? Неужели Провидение только что всучило ему волшебный мешок? Он вскочил на ноги, запер дверь на засов, а потом осторожно глянул в окно. «Скорая» и полицейская машины все еще были здесь, но соседи все разошлись по домам – все, кроме Филлис, которая несла что-то водителю «скорой» со скоростью миля в минуту.

Джесс опустил жалюзи и сел перед мешком. Сосредоточился. Закрыв глаза, представил себе кольцо с бриллиантом и запустил руку в мешок. Вот оно! Он стиснул в пальцах маленькую бархатную коробочку, и, затаив дыхание, вынул руку из мешка. Рука тряслась так, что ему пришлось насильно

разжимать себе пальцы.

– Ну, зашибись! – вырвалось у него, и он поднес кольцо к свету.

Улыбка у него на лице погасла.

Это была игрушка – ничего, кроме пластика да подкрашенного алюминия.

– Вот черт!

Он помотал головой.

– Я, наверное, что-то делаю не так?

Отбросив кольцо, на этот раз он сосредоточился на мыслях о часах. Представил себе тот «ролекс», который попался недавно ему на глаза в ломбарде. На часах, которые он выудил из мешка, в самом деле, стояла надпись «Ролекс», и все же это опять была только игрушка.

– Ой, ну давай же! Давай!

Три оловянных колечка, четыре пластиковых «ролекса» и огромную пачку денег из «Монополии» спустя до него, наконец, дошло: мешок производил исключительно игрушки.

– Вот тебе и хрен, – откинув голову, так, что затылок уперся в стенку, Джесс принялся разглядывать подтеки на потолке. – Все равно никогда ничего не выходит по-моему.

На него вдруг навалилось все то, что случилось этим долгим, странным вечером. Теперь ему хотелось одного – свернуться калачиком в кровати и никогда оттуда не вылезать. Он покосился в сторону спальни.

– Они там, наверное, уже снеговика слепили.

Джесс вздохнул, снял со стула сиденье-подушку, сунул под голову и улегся прямо тут, на полу. Понаблюдав, как за закрытыми жалюзи вспыхивают огни служебных машин. Потом его взгляд переместился на кукол, и он сумел-таки улыбнуться:

– Я раздобыл всех этих супершалав... абсолютно всех.

Он подумал, какое у Эбигейл будет лицо, и его улыбка стала еще шире.

– Да, малыш, в этот раз твой папа неудачником не будет. В этот раз, для разнообразия, твой папа будет героем, – он закрыл глаза. – Эбигейл, ты давай, держись там, кроха. Потому что Санта-Клаус уже в пути.

* * *

– Вот они. Наконец-то, мои Бельсникели... Они вернулись! – Крампус оторвал ухо от скалы и задрал голову вверх, к отверстию пещеры, натянув цепь, будто пес в ожидании кормежки. Там, наверху, было уже настолько светло, что стало ясно – это рассвет. И он видел их тени – они спускались, все ближе и ближе. До верха узкой горловины пещеры было около пятидесяти футов; стиснув руки, Крампус смотрел, как они лезут вниз. «Где он? – Он всматривался в их силуэты в поисках хоть каких-то признаков мешка.

Маква, самый крупный из шауни⁶, первым спрыгнул на пол пещеры, приземлившись на четвереньки. Медвежья шкура у него на плечах висела лохмотьями, одежда из оленьей кожи была грязной и рваной, а сам он был весь в крови. Он встал, и Крампус стиснул его плечи.

– Он у вас?

Маква, откинув капюшон, покачал головой:

– Нет.

Спустились еще трое Бельсникелей: братья Випи и Нипи, тоже из народа шауни, и маленький Вернон – в его лохматой бороде было полно сосновых иголок. Они тоже явно пострадали, и сильно. Было совершенно очевидно, что совсем недавно они отчаянно сражались – с кем-то или с чем-то.

Крампус переводил взгляд с одного на другого, и все прятали глаза.

– У вас его нет? Ни у кого?

– Нет.

– Нет?

Они покачали головами, все так же не поднимая глаз. «Нет». Это слово резануло ему по сердцу осколком льда. Нет. У него чуть не подломились колени. Чтобы не упасть, Крампус ухватился за стену.

– Это был он? Это был Санта-Клаус?

– Да, – ответил Вернон, и трое шауни согласно кивнули.

⁶ Индейский народ алгонкинской группы с юга Северной Америки, изначально живший в том числе на территории современной Западной Вирджинии.

– Где он? Где мешок?

– Мы сделали все, что могли, – сказал Вернон. – Он страшно силен и совершенно безумен в своей ярости. . . Мы такого не ожидали.

Крампус сполз по стенке вниз, сжав голову своими большими руками.

– Другого шанса больше не будет, никогда.

На пол пещеры прыгнула девушка, Изабель. Откинув капюшон куртки, она посмотрела на Крампуса, потом на четверых мужчин.

– Вы что, ему не сказали?

Никто ей не ответил.

– Крампус, мешок еще может быть где-то там, наверху.

Крампус поднял на нее недоуменный взгляд.

– Мешок?

– Да, мешок. Он все еще где-то там.

Крампус, вскочив на ноги, стиснул ей руку.

– Что ты имеешь в виду, дитя?

– Он был у нас. То есть почти. Мы были в санях, бились из-за мешка со стариком, и. . . ой! Черт, Крампус, ты делаешь мне больно.

До Крампуса дошло, что, разволновавшись, он слишком сжал ей руку, и он разжал пальцы.

– Это было какое-то сумасшествие. Санта-Клаус как с цепи сорвался. Царапался, кусался, как полный псих, и. . . – она примолкла, и тень глубокой печали упала на ее лицо. – Он

ударил Пескву ногой, и тот полетел вниз. Мы были так высоко... Не знаю, выжил он или... – смешавшись, она поглядела на остальных.

– О, смею вас заверить, почти наверняка он – мертвый маленький индеец, – вставил Вернон.

– Мы этого не знаем! – горячо возразила Изабель.

– Если он не отрастил себе крылья – он мертв. Не вижу причины...

– *Довольно!* – вскричал Крампус. – Изабель. Что случилось с мешком?

– Ну, когда Песква свалился с саней, он как раз держал мешок, и...

– Так значит, мешок... может быть еще там?

– Да. То есть, ну, наверно? Когда я...

– Наверно?

– Понимаешь, когда мешок выпал, сани начали вертеться с такой скоростью, что мы могли только цепляться за них, и больше ничего. Через пару секунд мы врезались в какие-то деревья. Мы все были...

– А Санта-Клаус? Что случилось с ним?

– Ну, я как раз собиралась об этом рассказать.

– Так давай, рассказывай уже.

– Я пытаюсь. Ты меня все время прерываешь.

Крампус воздел руки к потолку.

– Лаадно, понимаешь... Черт, на чем я остановилась?

Ах, да, когда мы врезались в те деревья, мы попадали с са-

ней, но Санта – нет, он продолжал цепляться. Ты б его видел, как он психовал... Как орал на нас, на оленей. Олени все запутались в упряжи и ничего не соображали от страха, и вдруг как рванут. Вверх, вверх, и понеслись на другую сторону ущелья, и впилились прямо в склон, где не было ничего, кроме камней да скал. Впилились так, что эхо по всей долине загуляло. Никто из нас не видел, что случилось со стариком Сантой. Но зуб даю, он оттуда живым не ушел. Просто невозможно. Он мертв.

– Мертв? – фыркнул Крампус, а потом рассмеялся. – Санта-Клаус мертв? Нет. Как ни желанны были бы подобные известия, чтобы убить такого злодея, нужно куда больше, чем щелчок по носу, – Крампус потянул себя за жесткие волосы, кустившиеся у него на подбородке. – Но хорошо уже то, что он потерял своих оленей и сани, – он начал расхаживать туда-сюда. – Это значит, что есть еще шансы добыть мешок... найти его первыми, – сердце у Крампуса забилося, как сумасшедшее. – Да, определенно, шансы есть! Ты сказала, мешок упал вместе с Песквой, верно?

Изабель кивнула.

– Помнишь, где именно он упал?

– Да. Нет!

– Что именно, дитя?

– Трудно сказать. То есть, я не знаю. Сани вертелись так быстро, и... – Изабель покосилась на остальных. Те пожали плечами.

– Мешок должен быть где-то рядом с телом, – голос Крампуса дрожал от радостного возбуждения. – Вам нужно найти тело, или место, куда оно упало. Это должно быть несложно. Начните поиски с этого места. Разделитесь, рассыпьтесь и... – он резко остановился и поглядел по очереди на каждого из Бельсникелей. – Нам просто необходимо добраться до мешка раньше Санты. Он знает, где я живу... Знает о вас. Он пошлет сюда своих чудовищ. Мешок – это главный трофей. Мешок – это все... Если он найдет его первым, тогда... В общем, тогда мы все равно что мертвы, – он подхватил с пола одно из копий шауни, и вручил его Макве. – Ножи все еще при вас? Хорошо. Возьмите пистолет, и винтовку тоже. Они вам понадобятся, если чудовища вас выследят.

– Пистолет мы потеряли, – сказала Изабель.

– Випи в него стрелял, – добавил Вернон. – По крайней мере три раза, в упор. Я был совсем рядом. Попал все три раза, прямо в грудь... Это его даже не замедлило.

– Нет, – сказал Крампус. – Нет, это меня совершенно не удивляет. А теперь поспешите. На счету каждая секунда.

Бельсникели, подхватив из груди на полу еще пару копий и старый обрез со сломанным прикладом, принялись карабкаться вверх по стенке пещеры, один за другим исчезая из вида.

Крампус закричал им вслед:

– Будьте настороже, не забывайте о его чудовищах! Вы поймете, что это они, как только увидите их. Вы их почув-

ствуετε, – а потом шепотом добавил: – И они тоже будут чувствовать вас.

* * *

После их разрыва Линда с Эбигейл жили у мамы Линды, Полли. Джесс припарковался перед белым деревянным домиком с облупившейся краской и глянул на часы. Он проспал; было уже далеко за полдень.

Джесс посмотрел в кузов пикапа, где лежали два пластиковых мешка для мусора, под завязку набитых игрушками для Эбигейл, и по его лицу расплзлась невольная улыбка. Ярко-малиновый мешок Санты лежал рядом, на полу. Джесс погладил мягкий, рыхлый бархат. У него было хорошее предчувствие насчет мешка, и Джесс не собирался выпускать его из виду. Это было волшебство, и Джесс испытывал уверенность, что, так или иначе, мешок принесет ему богатство и удачу. Просто пока он еще не сообразил, как именно, но, в конце концов, всегда можно было продать его кому-нибудь – тому, кому мог пригодиться мешок, производящий игрушки. Он начал выбираться из машины, и тут что-то, лежавшее в кармане куртки, звякнуло о дверцу. Покопавшись в кармане, Джесс выудил пистолет.

– Это мне не понадобится, – тут он фыркнул. – Хотя, конечно, с Линдой никогда заранее не знаешь, – и он сунул пистолет обратно в бардачок.

Джесс постучал в дверь и принялся ждать. Никто не вышел, и он постучал еще раз, сильнее.

– погоди чуток! – крикнул кто-то. – Я уже иду.

Послышались шаркающие шаги, а потом Полли открыла дверь и устояла на него сквозь противомоскитную сетку. В ее глазах стояла жалость.

– Они здесь? – спросил Джесс.

Он уже было подумал, что она вообще не собирается ему отвечать, но, наконец, она спросила со вздохом:

– Вот зачем ты это с собой делаешь?

Он попытался заглянуть ей за спину, в гостиную.

Она обернулась.

– Да не прячу я их под диваном. Их здесь нет, Джесс. Ни той, ни другой.

– Они у Дилларда, – сказал Джесс. Это был не вопрос.

Полли ничего не ответила.

– Черт! – не удержавшись, Джесс топнул по коврику у двери. – Ну вот скажите мне, миссис Коллинз, что она нашла в этом сукином сыне?

– Я ей уже задавала этот вопрос насчет тебя. С меня хватит.

– Ему ж под шестьдесят! По-вашему, это нормально, что Линда встречается с человеком чуть ли не вашего возраста?

– Линда никогда не умела выбирать мужчин. По крайней мере, Диллард о ней заботится. Чего некоторые другие сказать о себе не могут.

Джесс посмотрел ей прямо в глаза.

– Приходит после работы домой, как оно и должно быть.

Машина хорошая. Дом.

Джесс отвернулся и громко сплюнул.

– Дом этот куплен на грязные деньги.

Полли пожала плечами.

– Это лучше, чем когда денег нет вообще.

– Мне надо идти, – сказал Джесс, повернулся и зашагал вниз по лестнице.

– Если у тебя есть голова на плечах, держись подальше от этого человека.

Джесс остановился, повернулся и снова посмотрел на Полли.

– Знаете, Линда все-таки моя жена. Небольшая деталь, о которой, похоже, забыли все, кроме меня.

– Я просто говорю, что лучше бы тебе его не злить. Тебе такие проблемы не нужны. Никому не нужны такие проблемы.

– Ну, если он думает, что можно вот так взять, и забрать чужую жену, это мое дело – втолковать ему, что и как.

Она рассмеялась – издевательский смех, от которого у Джесса заломило зубы.

– Джесс, тебе хочется думать, что ты уж прямо такой злобный, но это не так. Уж это-то я о тебе знаю. А вот Диллард, он слеплен из злобного теста. В папашу его стреляли шесть раз, и он до сих пор жив, чтобы рассказывать об этом, а те

ребята, которые решили в него пострелять – все они лежат в холодной, сырой земле. Что же до деда Дилларда, так этот тип был настолько злобным, что его пришлось повесить, когда ему еще и двадцати двух не было. Так что охолони чуток, пока еще не слишком поздно.

Джесс вспыхнул. Ему не нужны были лекции миссис Коллинз о Дилларде, он же – шеф полиции Диллард Дитон, что звучало гораздо внушительнее, чем оно было на самом деле, потому как в Гудхоупе было всего двое полицейских на полную ставку. Джесса напрягал вовсе не полицейский значок Дилларда, а тот факт, что он был крепко завязан в делишках Сэмпсона Боггза, более известного в округе под именем Генерала. Боггз и его клан занимались всем подряд: азартные игры, собачьи бои, бордельные дела, аферы со страховкой, а еще они могли продать тебе любую наркоту – только назови. Свой гражданский долг шеф Дитон явно видел, помимо всего прочего, в том, чтобы держать закон подальше от загривка Генерала, в обмен на определенную долю в прибыли. Подобным образом дела обстояли давно – столько, сколько Джесс себя помнил.

Но у этого союза были куда более глубокие корни: клан Боггзов и род Диллардов имели общую, темную и запутанную историю. Старик Дилларда получил те пули, о которых рассказывала миссис Коллинз, когда вез контрабандой спиртное для Боггзов – еще в дни Сухого закона. В округе Бун кровные связи имели немалый вес, и многие ссоры и

диспуты – если не большинство – решались помимо суда и закона. И *всегда* нужно было смотреть, с кем ты связываешься, потому как кровь – не вода, и свои всегда будут правы. У Джесса, с другой стороны, родичей практически не осталось, а кто остался – те в счет не шли. Без родичей, которые могли бы тебя поддержать, ты значил немного. Так уж обстояли дела в здешних местах.

– То, что между мной и Диллардом, – сказал Джесс, – это же совсем другое. Когда мужчина заводит шашни с женой другого мужчины, это личное. Все понимают: он перешел черту и то, что случится дальше, – это только их дело, и ничье больше. Никто с этим не поспорит, даже ты.

Упрямство исчезло с лица Полли, и оно вдруг стало очень грустным и старым.

– Джесс, у Линды наконец-то начало что-то складываться. Не смей ей это портить. Просто оставь ее в покое. Слышишь?

– Счастливого Рождества, миссис Коллинз, – и Джесс, не оглядываясь, пошел к машине, сел в нее и уехал.

* * *

Патрульной машины Дилларда перед домом не было. Джесс выдохнул. Он въехал на подъездную дорожку шефа полиции, припарковался рядом с Линдиным потрепанным «Фордом Эскортом» и заглушил двигатель. Дом стоял у реки, и участок был симпатичный, укромный – целых два ак-

ра на самой окраине города. Совсем недавно здесь явно был сделан ремонт, а вокруг всего дома тянулась новая, с иголочки, веранда. Перед гаражом на три машины стоял «Шеви Субурбан» последней модели.

– Хорошая машина. Хороший дом. Просто здорово, что человек может себе позволить такое в наши дни на зарплату сельского полицейского.

Джесс открыл дверцу и начал было вылезать из машины, но заколебался. «Какого хрена я делаю?» До него вдруг дошло, что распинаться перед миссис Коллинз было легко, но теперь он совсем не чувствовал былой уверенности. Он глянул назад, на дорогу, не едет ли патрульная машина. «Подарки для Эби могут и подождать. Можно как-нибудь в другой раз завезти». Он потряс головой.

– Не пойдет. Она – моя дочь, и сегодня – Рождество. Да будь я проклят, если позволю поймать себя какому-то старому говнюку!

Джесс вышел из машины и сразу почувствовал себя голым, беззащитным. Покосился в сторону бардачка, но что-то подсказывало ему, что брать с собой пистолет – это плохая идея. Вместо этого он обошел машину, поднял дверцу кузова, отодвинул в сторону гитару и вытащил оба мешка с игрушками. Прошел по дорожке к дому, сунув по дороге мешки в подстриженные кусты, а потом поднялся на веранду. Смахнул с лица волосы, разгладил рубашку и нажал на кнопку звонка. Изнутри слышалось мелодичное курлыка-

ные.

Минуту спустя ему открыла Линда с широкой улыбкой на лице. При виде Джесса улыбка тут же погасла. На ней был бархатный халат цвета лаванды, и Джесс сразу заметил, что из-за ворота выглядывает кружевное белье.

– Это тебе что, Санта принес?

Линда холодно посмотрела на него и стянула на груди халат.

– Ты что здесь делаешь?

– И тебя с Рождеством, дорогая.

– Тебя здесь быть не должно, – она метнула за спину Джессу встревоженный взгляд. – Он может вернуться с минуты на минуту.

– Я пришел повидать свою дочь.

– Джесс, тебе нельзя сейчас мутить воду, – Линда понизила голос. – Он только и ищет предлога. В этот раз он тебя заберет. А ты знаешь, что это будет значить.

Он знал. Были времена, когда выступлений было мало, и Джесс подрабатывал, как мог, на стороне. И пару раз – а может, и не пару – бывало, что он возил для Генерала контрабанду. Шериф округа Бун был честным человеком, никогда не сидел у Генерала в кармане, и на шефа Дилларда Дитона ему тоже было плевать.

Однажды ночью шериф остановил Джесса как раз во время ходки, и нашел у него три килограмма травы. Джесса арестовали. Поскольку это был первый раз, как он попался,

судья дал ему условный срок и предупреждение: попадись он еще раз – не важно, на чем – и срок будет реальным. Шеф Дитон любил напомнить Джессу об условном сроке, и о том, что будет, если Джесс не станет вести себя как следует.

– Что-то я не припомню, – сказал Джесс, – что это противозаконно – навещать своего ребенка на Рождество.

– Джесс, пожалуйста, уходи, я прошу тебя. Если он тебя здесь застанет – плохо дело.

В голосе жены прозвучала нотка паники, и Джесс вдруг понял – она думает, что плохо будет не только ему.

– Линда, тебе двадцать шесть. Зачем ты связалась с этим старым уродом?

– Вот только не надо этого. Только не здесь. Не сейчас.

– Ну хорошо, ладно. Но я все еще отец Эбигейл и имею право решать, что для нее плохо, а что хорошо. И мне как-то не нравится, что она живет под одной крышей с сообщником Генерала.

Линда посмотрела на него, как на полного психа.

– Да неужели? Поверить не могу, что ты это сказал! – она рассмеялась. – Это разве не ты загремел в тюрьму округа всего пару месяцев назад? И за что? За что, Джесс? За контрабанду наркотиков. И чьим же ты был *сообщником*, а?

Джесс вспыхнул.

– Это совсем не то, и ты прекрасно это знаешь!

Она только молча смотрела на него.

– Кроме того, я не знал, что это – наркотики.

Линда подняла глаза к небу и фыркнула:

– Джесс, уж я-то знаю, что ты не дурак. Ну ладно, вот что я тебе скажу. Давай я ее перевезу жить в этот твой трейлер. Вот там ей будет просто распрекрасно. Как ты думаешь?

– А тебя совсем не беспокоит тот факт, что Диллард убил свою жену?

– Он ее не убивал! – горячо возразила Линда. – Это все слухи. Диллард рассказал мне, что случилось на самом деле. Она сняла все деньги с его счета, забрала его машину и сбежала. Вот и все. Он был совершенно раздавлен тем, как она с ним поступила, эта сумасшедшая.

– Это только одна сторона дела. Очень жаль, что миссис Дитон здесь нет, чтобы рассказать нам о другой. И очень жаль, что никто так ее ни разу и не видел – все эти годы.

– Джесс, ты что пытаешься сделать?

– Линда, не переезжай ты к этому типу. Пожалуйста, не надо. Возвращайся к маме. Дай нам еще один шанс. *Пожалуйста.*

– Джесс, я устала ждать, когда ты наконец повзрослеешь. Должно же быть в жизни что-то еще, кроме как смотреть, как ты бренчишь на этой своей чертовой гитаре. Я не хочу растить ребенка одна, пока ты играешь в какой-нибудь грязной забегаловке. Это не жизнь.

– Да что с тобой случилось, Линда? Раньше ты верила в меня... В мои песни.

– Как там твой альбом, Джесс?

– В процессе.

– И что, послал ты кому-нибудь хоть какие-нибудь песни? Ты хотя бы попытался связаться с тем диджеем из Мемфиса, мистером Рэндом, или Ридом, или как его там? Насколько я помню, он был в восторге от твоего саунда.

– Я все еще над этим работаю.

– Все еще работаешь над этим? Джесс, да это уже два года назад было. Какие у тебя теперь могут быть предлоги?

– Это не предлог. Просто песни еще не совсем готовы. Вот и всё.

– И сколько лет я уже это слышу? Ты хочешь сказать, ты еще не совсем готов. Потому что песни... Это хорошие песни, но никто никогда об этом не узнает, пока ты будешь играть перед горсткой алкоголиков в занюханном баре. Если ты чего-то хочешь, то тебе просто надо это сделать, детка. Сделать этот шаг. Рискнуть. Понимаешь, Джесс, кому-то понравится то, что ты делаешь, а кому-то – нет. Так уж все устроено. Ты не можешь все время из-за этого дергаться.

«Легко ей говорить! Ей-то всегда было плевать с высокой колокольни на то, что думают другие», – подумалось Джессу. Вот поэтому-то она всегда так здорово танцевала, – ей ничего не стоило просто отдаться ритму и начать отрываться, не заморачиваясь, кто там на нее смотрит и что думает. Она никогда не была способна понять, что для него все может быть по-другому, по крайней мере, пока он на сцене. Ну не мог он стоять под прицелом всех этих взглядов, не мог попасть в

ту зону, в то волшебное место, где он и музыка становились единым целым. Так что да, может, она и права, может, он и боялся рискнуть. Но, может, он просто знал, что лучше хорошо сыграть перед горсткой алкоголиков, чем облажаться перед людьми, которым не все равно.

Она вздохнула.

– Никуда и никому ты свои песни не пошлешь, потому что всегда будешь думать, что они недостаточно хороши. И ты никогда не будешь играть перед кем-то, у кого голова не похожа на тыкву, потому что вдруг они как-то не так на тебя посмотрят. Джесс, как ты можешь ждать, чтобы я в тебя поверила, если ты сам в себя не веришь?

Джесс просто молча смотрел на нее, смотрел во все глаза, пытаясь подобрать какие-то правильные слова – хоть что-то, что он не говорил уже сотни раз.

– Все, что я знаю, Линда – это то, что я тебя люблю. Так сильно, как только могу. А теперь давай, посмотри мне в глаза и скажи, что ты меня больше не любишь. Давай, прямо сейчас. Сможешь это сделать – я оставлю тебя в покое.

Она подняла на него взгляд, открыла рот, а потом закрыла его, крепко сжав губы. В глазах у нее показались слезы.

– Там, в доме, есть маленькая девочка, которой нужна хоть какая-то стабильность в жизни. Ей не нужна мама, которая по две смены работает в «Ландромате»⁷, и папа, который приползает домой в четыре часа утра каждый божий

⁷ Сеть прачечных самообслуживания.

день. Можешь ты это понять? Разве ты не видишь, что речь здесь идет не только о нас с тобой? – по щеке у нее покати-лась слеза, и она сердито ее смахнула. – Я уже давала тебе шанс, и... черт... не раз. Так что не надо являться сюда и говорить, будто ты меня любишь, и вести себя так, будто тебе не наплевать на благополучие Эбигейл.

– Я найду работу. *Настоящую* работу. Только скажи, что ты хочешь попробовать, и я обещаю... обещаю, что брошу музыку... брошу прямо сейчас.

Она посмотрела на него так, будто он пырнул ее ножом.

– Бросишь музыку? Да кому нужно, чтобы ты бросал? Тебе просто нужен план – и немного веры в себя. Отрасти уже себе наконец, яйца, и сделай это, Джесс.

– Ладно, я придумаю план и... э-э, отращу яйца. Черт, да я сделаю что угодно...

– Хватит, Джесс. Прекрати. Слишком поздно. Я все это уже слышала. Мы оба знаем, что ничего не изменится. Я просто не могу на тебя положиться, Джесс. Никто не может. Даже ты сам не можешь на себя положиться. А теперь ты должен уйти. Прямо сейчас, пока Диллард не вернулся. Пока ты и это тоже не загубил. Не заставляй...

– Папа? – произнес тоненький голосок за спиной у Линды. – Мам, это папа?

Линда метнула на Джесса горький взгляд и открыла дверь пошире. В прихожую осторожно заглядывала девчушка с длинными курчавыми волосами, в застиранной фланелевой

пижаме. Завидев Джесса, она пискнула: «Папа!» – и бросилась к нему. Джесс подхватил ее на руки, крутанул в воздухе и обнял, а она крепко обхватила его за шею. Так крепко, будто не хотела отпускать, никогда. Он прижался носом к ее волосам и вдохнул. Она пахла размокшими в молоке хлопьями «Фрут Лупс» и детским шампунем, и это был лучший запах на свете.

– Пап, – прошептала она ему на ухо, – а ты мне чего-нибудь принес?

Он открыл глаза и встретился взглядом с Линдой. Ей даже говорить ничего не было нужно; он знал этот ее взгляд – «сейчас ты опять ее разочаруешь».

Джесс опустил Эбигейл на пол.

– А ты чего-то хотела? Не могу припомнить, хотела или нет. Кажется, ты сказала отдать все твои подарки на благотворительные цели.

Эбигейл уперла руки в боки и скроила рожицу, будто собиралась его стукнуть. Но тут ее глаза вспыхнули, будто она вспомнила что-то совершенно восхитительное.

– Ой, папа, что я сейчас тебе покажу! – она было бросилась прочь, но резко затормозила. Подняла пальчик. – Я быстро, я сейчас вернусь. Ты только никуда не уходи, ладно? Ладно?

– Обещаю, никуда не уйду, – сказал он и улыбнулся, но ему было больно это слышать. Видно было: она вправду боится, что, когда она вернется, его тут не будет. «А чего удив-

ляться. Как будто такого не бывало».

Линда взглянула на его пустые руки.

– У тебя ведь ничего нет, правда? Все на выпивку истра-
тил, да?

Джесс напустил на себя обиженный вид.

– Подождешь – увидишь. А?

Прибежала обратно Эбигейл. В руках у нее была кукла.

– Смотри, пап! У меня теперь есть такая! Кукла «Тин Тай-
гер»!

– И откуда же она взялась? Это тебе Санта подарил?

– Нет, Диллард.

У Джесса было такое ощущение, будто его ударили. Он постарался улыбнуться, разглядывая куклу.

– И какая же это из них?

– Это Тереза Тайгер. Крутая, правда?

– Хмм, а я-то думал, ты хотела Тину Тайгер?

– Хотела, но в магазине их больше не было.

– Ну, думаю, она так, ничего себе. То есть, конечно, старик сделал все, что мог. Понятное дело, такой старпер, как Диллард, не стал бы мотаться по всему миру, чтобы найти тебе именно то, что ты хотела. Пожилым людям вроде него... таким трудновато сидеть и рулить весь день, потому что у них геморрой, – он приложил ко рту руку трубочкой и пояснил громким шепотом: – Задница чешется.

Эбигейл хихикнула. Линда кинула на него кислый взгляд и сказала:

– Может, спросишь, что приготовил для тебя папа?

Эбигейл обратила на него свои глазищи.

– Ну, Эби, сладкий ты мой цветочек. Скажи, ты знала, что твой папа – лучший друг Санта-Клауса?

– Не-а.

– Ага, вот те крест. Да мы рыбачить вместе ходим. Вообще-то, мы так дружим, что он одолжил мне на время свой волшебный мешок. Сказал, если я знаю каких хороших девочек, могу дать им любые игрушки, какие они только захотят. Ты знаешь каких-нибудь хороших девочек?

Эбигейл ткнула в себя пальчиком.

– Ну, а теперь закрой глаза и пожелай себе любые игрушки.

Эбигейл крепко зажмурилась.

– Только не подглядывать! – крикнул Джесс, доставая мешки из-под куста. Линда подозрительно посмотрела на мешки, когда Джесс поставил их перед Эбигейл.

– Можно смотреть.

Эбигейл открыла глаза, увидела мешки и вопросительно посмотрела на родителей.

– Ну, давай, – сказал Джесс. – Открывай.

Эбигейл отложила куклу и приоткрыла первый мешок.

– *Папа?* – прошептала она, и открыла мешок пошире. И замерла, будто боялась шевельнуться, или даже просто выдохнуть. Медленно достала из мешка одну куклу «Тин Тайгер», потом вторую, третью – и испустила оглушительный

визг. Она хлопала в ладоши, смеялась, скакала вверх-вниз, и взвизгивала каждый раз, как доставала из мешка очередную игрушку.

– Папа! – Эбигейл бросилась к нему на шею. Джесс обнял ее и показал Линде язык. Линда не улыбалась; вид у нее был крайне недовольный. Будто она хотела ткнуть его пальцем в глаз.

– Эбигейл, дорогая, – сказала Линда натянуто. – Сделай одолжение, собери это все с крыльца и унеси внутрь. Мы же не хотим, чтобы они испачкались, – присев, Линда начала собирать кукол обратно в мешок. – Вот, забери. Можешь в доме все распаковать. Так ты ничего не потеряешь.

Эбигейл, приплясывая от радостного предвкушения, поволокла один из мешков в прихожую и дальше по коридору.

– Я приду через минутку, – крикнула ей вслед Линда. – Только *поговорю* немного с твоим папой.

Джессу не понравилось, как она произнесла это слово, «поговорю».

Линда поставила второй мешок в прихожую и прикрыла за собой дверь. Потом обратила на него гневный взгляд.

– А теперь-то что я сделал?

– Ты прекрасно знаешь, что ты сделал, – прошипела она. – Откуда взялись все эти игрушки? Ты их украл? – она ткнула в его сторону пальцем. – Скажи мне, Джесс, что ты за отец, если даришь дочери на Рождество краденые игрушки?

Джесс поглядел ей прямо в глаза.

– Они *не* краденые.

Судя по виду Линды, он ее не убедил.

– Они не краденые, – повторил он. – И это все, что тебе надо знать. И почему ты всегда думаешь обо мне самое худшее?

– То есть ты хочешь сказать, что купил их? – казалось, это разозлило ее еще сильнее. – У тебя были деньги, и вот на что ты их потратил? Твоей дочери столько всего нужно, а ты идешь и покупаешь ей игрушки? Джесс...

Она не закончила. Ее взгляд обратился ему за спину; лицо у нее побелело.

Джесс повернулся и увидел патрульную машину шефа Дитона, которая спускалась вниз по дороге.

* * *

Санта-Клаус стоял на огромном валуне, озирая дикую, покрытую снегом, местность. Он оглядывал высокие скальные стены, пытаясь понять, как отсюда выбраться. Алый костюм Санты был весь изодран и покрыт подсыхающей кровью, но кровь была не его. Позади, из кучи мертвых, искалеченных животных раздался какой-то мяукающий звук. Один олень все еще был жив, несмотря на переломанные ноги, распоротый живот и размазанные по камням кишки. Он опять заблеял и захрипел, почти человеческим голосом. Санта заскрежетал зубами.

– Род Локи не приносит ничего, кроме страданий и разрушения, – прошипел он. – Крампус, я дал тебе все возможности. Я пытался показать тебе, что такое сострадание, пытался показать тебе путь к искуплению. Но я был глупцом, что оставил тебя в живых, потому что ты еще раз доказал. Для змей милосердия не существует.

Он спрыгнул с валуна и подошел к груде обломков, в которую превратились его сани. Отшвырнул в сторону пару досок и вынул из груды какой-то предмет, завернутый в мешковину. Развязал бечевку и развернул сверток, внутри которого оказался меч и бараний рог.

– За смерть моего брата, моей жены, за падение дома Одина, за мое заточение в Хеле, за воровство и за обман, за все те злосчастья, что принес твой род, – последний из дома Локи будет стерт с лица Земли.

Он поднес рог к губам и дунул: одна долгая, исполненная силы нота. Глубокий, очень низкий звук, пронизывающий и воздух, и землю, выплеснулся из долины и раскатился по миру. Санта знал, его дети услышат этот звук, где бы они ни были, пусть даже на другом конце света – они услышат.

– Придите, Хугин и Мунин, придите, Гери и Фреки, придите, вы, древние звери незапамятных времен. Придите и помогите мне найти этого дьявола. Пришла пора довершить то, что должно было завершить пять столетий назад. Пора похоронить Крампуса навеки.

Умирающий олень скреб копытами землю, пытаясь

встать. Санта поморщился, взял в руки меч и вынул его из ножен. Это был прямой одноручный меч, не особенно красивый или изящный: вещь, созданная для убийства. Он подошел к оленю. Тот перестал биться, обратил на него взгляд темных, влажных глаз и заблеял – долго и жалобно. Санта поднял меч и резко опустил, отрубив оленю голову одним чистым, точным ударом. Потом начисто вытер клинок и вложил его обратно в ножны. Привязал рог к поясу, повесил меч за спину и пошел прочь, на юг, в тот городишко, где на него напали. Он знал, что мешок упал где-то в том трейлерном поселке, и он намеревался его найти.

– Крампус, дорогой мой, старый друг, ты за это заплатишь. Твоя смерть в моих руках, и я намерен сделать ее ужасной.

* * *

Патрульная машина остановилась рядом с пикапом Джесса. Диллард открыл дверцу и вышел. Шеф полиции был крупным мужчиной, больше шести футов ростом. И хотя ему уже было под шестьдесят, выглядел он так, точно мог свалить дерево голыми руками. Одет он был в гражданское, в джинсы и коричневую охотничью куртку, и, хотя Джесс никогда бы этого не признал, понятно было, что могла найти в нем женщина: волевой подбородок, скулы, этакая суровая привлекательность. «Каменная стена, – подумал Джесс. –

Мужчина, на которого можно положиться».

– Джесс! – лихорадочно прошептала Линда. – Пожалуйста, не создавай проблем. Просто уходи. Пожалуйста!

Джессу это совсем не понравилось. Линда не просто была выбита из колеи, она явно нервничала, дергалась. Никогда раньше он не видел ее такой. Диллард обратил стальной взгляд своих серых глаз на Джесса, и слегка распахнул куртку, так, чтобы виден был его табельный пистолет.

– Вот человек, которого я как раз искал.

– Он как раз уходил! – крикнула ему Линда, и тихо добавила, обращаясь к Джессу: – Теперь, пожалуйста, уходи. Ради меня.

Она легонько подтолкнула его в спину. Джесс спустился с террасы, пересек подъездную дорожку и подошел к пикапу. Все это время Диллард не сводил с него холодного взгляда.

– Не возражаешь чуток задержаться, Джесс? Надо поговорить. Линда, сделай одолжение... иди в дом, это мужской разговор.

Линда колебалась.

– Иди-иди, будь хорошей девочкой.

– Диллард, я просто подумала, может...

– Линда! – сказал Диллард, впервые повысив голос. –

Нужно, чтобы ты пошла в дом прямо сейчас.

Линда прикусила губу, кинула на Джесса еще один умоляющий взгляд, а потом поспешно скрылась в доме. Джесс понять не мог, что происходит. Линда, которую он знал, ни-

когда бы не позволила мужчине так собой распоряжаться. Неужели это была та самая Линда, с которой они вместе поднимали на уши все местные забегаловки? Та женщина, которая врезала какому-то мужику за то, что тот схватил ее за задницу?

Диллард неспешно обогнул патрульную машину, подошел к Джессу вплотную, и окинул его изучающим взглядом.

– Слышал, были там у тебя в поселке какие-то проблемы. Прошлым вечером.

Джесс ничего не ответил.

– Ты что-то об этом знаешь? Может, слышал что-нибудь? Или видел?

– Видел. Абсолютно все. Санта приземлился на своих оленях, и тут на него как кинутся шестеро чертей. Потом они все взлетели, прямо в небо, и Санта сбросил одного из чертей за борт, – говоря это, Джесс, не переставая, улыбался. – Мне кажется, человека, которого вы ищете, можно узнать по длинной белой бороде.

Диллард нахмурился и потер лоб, будто у него голова разболелась, а потом принялся молча разглядывать Джесса, точно пытаясь понять, что это перед ним такое.

– Джесс, я твою мать знал, и отца. Неглупые люди. Как же оно вышло, что ты таким уродился?

Джесс скрестил на груди руки и сплюнул на подъездную дорожку Дилларда.

– Так ты хочешь, чтобы было по-плохому? – судя по тону,

валять дурака Дилларду явно надоело.

– Единственное, чего я хочу, это чтобы ты держался по-дальше от моей жены и дочери.

Диллард вздохнул, будто имел дело с непослушным ребенком.

– Думаю, нам с тобой нужно поговорить. Ну, знаешь, как мужчина с женщиной. Потому что совсем не обязательно, чтобы оно все и дальше катилось в задницу.

Тут он достал пачку сигарет, сунул одну в рот, а другую предложил Джессу.

Джесс посмотрел на сигарету так, будто это был яд.

Диллард зажег сигарету, глубоко затянулся и выдохнул.

– Понимаю, тебе непросто, сынок. Мне бы такое тоже не понравилось, будь я в твоей шкуре. Ни капельки. Так что я тебе это скажу, потому что кто-то же должен сказать. У вас с Линдой все кончено. Линда это знает, и, думаю, ты тоже. А ты только все усложняешь, для всех, и особенно – для своей девчушки.

Джесс ошетинился.

– Вам нужно развестись. Официально. Если хочешь, могу даже помочь тебе с бумагами. Мне надоело, что она из-за тебя переживает. Будь мужиком. Покончи со всем одним махом, и все мы сможем спокойно двигаться по жизни дальше.

– Этого не будет.

– Нет, будет. И скоро, потому что мы с Линдой планируем пожениться.

Джесс отшатнулся.

– Что?

– Прости, сынок. Жаль, что ты узнал об этом вот так.

– Нет! – Джесс затряс головой. – Я так не думаю. Это невозможно, я этого никогда не допущу. *Никогда!*

– Позволь, я тебе объясню. Попроще. Я у тебя не спрашиваю. Понимаешь? Мы с ней *поженимся*. Как только удастся разобраться с тобой. Ну, а разобраться с тобой можно по-разному. Как именно – выбирать, в общем-то, тебе.

Джесс поднял вверх трясущийся палец:

– Не загоняй меня в угол, Диллард. Не *стоит* этого делать.

Шеф, посмеявшись, покачал головой:

– Джесс, будь у тебя яйца такого размера, как ты себе воображаешь, ну хоть в десятую часть, цены бы тебе не было. Сынок, единственная причина, по которой я еще от тебя не избавился, – это то, что ты иногда ведешь дела с Генералом. Ты прекрасно знаешь, что засадить тебя ничего не стоит. Я вот прямо сейчас мог бы нацепить на тебя наручники – да любой повод сойдет – и ты отправишься напрямиком в тюрьму. Ты этого хочешь?

– Давай, сделай это, и в тюрьму я пойду не один.

Диллард сощурил глаза так, что они превратились в узкие стальные щелочки.

– Ты что сейчас сказал?

– Думаю, ты слышал. Если у человека отнять то един-

ственное, что для него что-то значит, получишь человека, которому нечего терять. А такой человек может и начать говорить.

У Дилларда дернулась щека. Он шагнул к Джессу.

– Ну-ка, парень, давай, выковыривай из ушей кошачье дерьмо и слушай хорошенько. Существует не один способ заставить тебя исчезнуть. И никто не заметит, как именно ты исчез, потому что ни одна живая душа тут, в округе, не будет скучать по такому ничтожному гондону, как ты.

Джесс стиснул зубы и вынудил себя не отступить, не отвести взгляда. Но он еле сдерживал слезы. Неужели Линда и вправду согласилась выйти замуж за этого старого ублюдка? Он зло посмотрел на Дилларда.

– Я этому не верю. Не верю, что она согласилась выйти за такого старого козла, как ты.

Диллард, по своему обыкновению, вздохнул, а потом, усмехнувшись, покачал головой.

– Джесс, Джесс, Джесс. Поверить не могу, что я тут так разволновался из-за такого барана, как ты. Все забываю, насколько у тебя плохо с головой, – он еще раз глубоко затахнул. – Дай-ка я расскажу тебе кое-что о тебе самом, просто и доходчиво, потому как иначе ты не поймешь. Ты – неудачник, Джесс. Никчемный неудачник. Именно поэтому ты живешь в этом своем крысятнике, поэтому все так же водишь ржавый рыдван своего папаши, и, что самое важное... поэтому от тебя *ушла Линда*. Но я бы тут мог распинаться беско-

нечно, потому как пробиться сквозь эту толстую, тупую черепушку почти невозможно, разве что молотком. Поэтому я тебе покажу. Докажу, так, что даже тебе станет понятно.

Диллард отошел обратно к машине и достал из кобуры пистолет. Джесс весь напрягся: он подумал, что Диллард собирается застрелить его прямо здесь и сейчас, но тот только снял пушку с предохранителя и положил ее на капот.

Потом шеф неторопливо прошествовал дальше, к воротам гаража, оставив пистолет на капоте. Привалился спиной к воротам, затянулся сигаретой и поглядел вокруг, на деревья, будто вышел насладиться погожим деньком.

Взгляд Джесса метался туда-сюда между Диллардом и пистолетом – он все еще не понимал.

– Знаешь, Джесс, что я собираюсь сделать? А? – Диллард усмехнулся. – Я тебе скажу. Вот докурю сейчас сигарету и пойду к себе домой, в мой большой, красивый дом, а потом отведу твою милашку-жену наверх, а потом, потом... ну, потом я засажу свой большой, толстый, волосатый хрен прямо в ее сладкий маленький ротик.

– Что? – задохнулся Джесс.

– Ну да. Заставлю ее давиться слюнями из-за моего аппарата. Надеру ей задницу, так что она пищать будет. Ну а теперь, если ты намерен меня остановить, все, что нужно сделать, – это взять пистолет и застрелить меня. Вот так просто.

Джесс смотрел на него с перекошенным лицом, сжимая кулаки.

– Что? Да что с тобой, на хрен, такое, твою мать?!

– И это все? Сынок, я сейчас пойду в дом и заставлю твою жену давиться моей одноглазой змеей. Все лицо ей обкочаю. И все, на что ты способен, – это сквернословить? Если бы кто сделал такое с моей женой... сказал бы мне это прямо в лицо... Я бы его застрелил, без вопросов. Потому что настоящий мужик поступил бы именно так.

Джесс посмотрел на пистолет.

Диллард ухмыльнулся.

– Ты не сделаешь этого, Джесс. Уж я-то знаю. Если я в чем и хорош, так это в том, что я всегда знаю человеку цену. Тридцать лет на службе, знаешь ли, даром не проходят. И с самого первого раза, как я тебя увидел, я знал: ты – пустое место, из тех, что и плевка не стоят. Неудачник. Лузер. А теперь, Джесс... Ты тоже это знаешь.

Джесс яростно посмотрел на Дилларда, потом на пистолет. Его взгляд метался между ними, сердце неистово колотилось. Он сделал шаг, другой, и вот ему осталось только руку протянуть. Взять пушку и выстрелить. Диллард никак не мог его остановить. Хуже всего было то, что вид у Дилларда был такой уверенный. Будто он и не ставил свою жизнь на кон, будто у него вообще сомнений не было.

Джесс начал задыхаться, рука у него задрожала. «Давай, сделай это. Застрели его». Но он этого не сделал и тут, на этом самом месте, он вдруг в точности понял, что хотел показать ему Диллард. «Я – неудачник. Кишка у меня тонка

застрелиться. Кишка у меня тонка застрелить человека, который трахает мою жену. У меня тонка кишка даже для того, чтобы послать свои записи какому-то выскочке-диджею».

Джесс сделал глубокий вдох, отступил на шаг, и остался стоять так, глядя на пистолет.

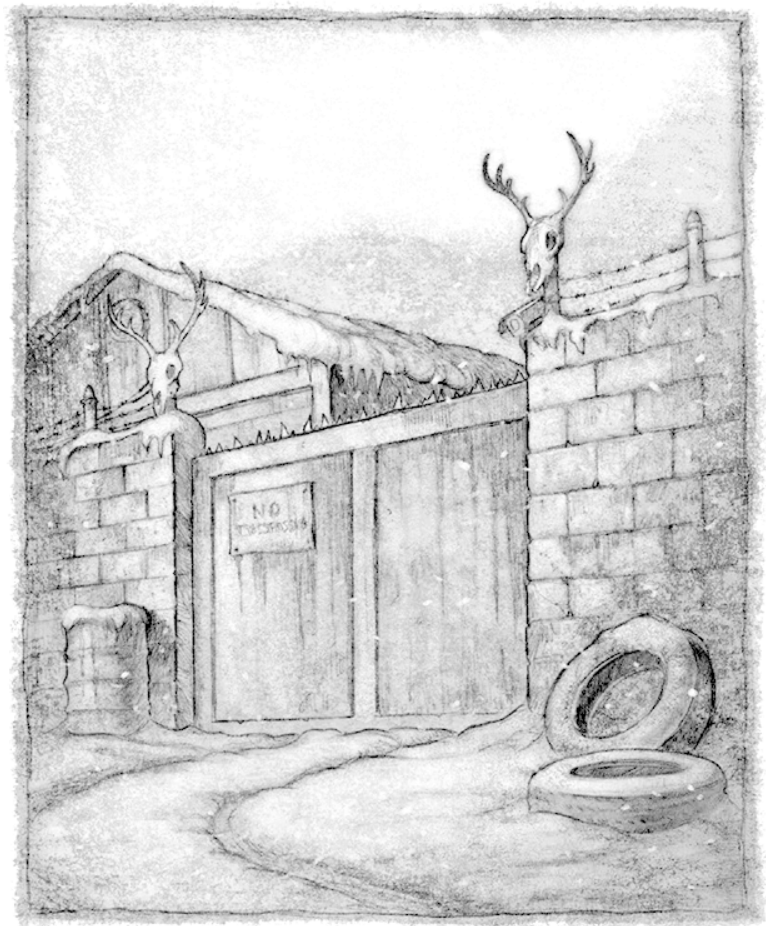
Диллард щелчком отбросил окурок в сугроб, подошел к патрульной машине, забрал пистолет и сунул обратно в кобуру.

– Веришь ты мне, или нет, сынок, я это все не со зла. Просто пытаюсь тебе помочь, чтобы тебе не пришлось потом жестоко разочароваться. Мужик должен знать себя. И теперь, когда ты в точности знаешь, что ты за человек, может, перестанешь уже так стараться быть кем-то еще? Иди домой, Джесс. Иди домой в этот свой маленький дерьмотрейлер, и напейся... А потом сделай нам всем одолжение – *исчезни*.

Джесс едва его слышал; он все смотрел на то место, где лежал пистолет.

– Ладно, Джесс. Я с тобой закончил. Закончил разговор, закончил тратить свое время. Я пошел домой, и, когда я выгляну из окошка, ни тебя, ни твоего драндулета здесь быть уже не должно. И, на будущее, просто чтобы не было недоразумений: если ты еще хоть раз ступишь на мою землю, *хоть раз*... я переломаю тебе все пальцы. Я не шучу. На гитаре ты больше играть не будешь.

Диллард повернулся и пошел прочь, оставив Джесса стоять столбом возле капота патрульной машины.

Глава третья

Генерал

Джесс остановил пикап перед трейлером, заглушил двигатель, и – уже в который раз – встретился взглядом с входной дверью.

– Мой маленький дерьмотрейлер, – сказал он с горечью. Он почти не помнил, как вообще сюда добрался; инцидент с Диллардом непрерывно крутился у него в голове всю дорогу. Вот только каждый раз, как Диллард бросал ему вызов – *возьми пистолет и застрели меня* – он брал и *стрелял*. Стрелял в Дилларда, вгоняя каждую пулю прямо в его наглую рожу.

Джесс углядел бутылку виски, которая все еще валялась в снегу, и услышал у себя в голове голос Дилларда: *«Иди домой и напейся... А потом сделай нам всем одолжение – исчезни»*.

– Нет. Этого не будет, – он бросил взгляд на мешок Санты. – Потому что у лузера имеется план. Чертовски хороший план. План, который все исправит. – Он положил мешок Санты на сиденье рядом с собой и похлопал по нему. – Пора приступать к делу.

Джесс вышел из машины, прошел немного вниз по дороге к выстроившимся рядом почтовым ящикам, и принялся шарить в отделениях для газет, пока не нашел ту, которую еще не успели забрать. Взяв газету, вернулся к пикапу, за-

брал мешок и направился в дом.

Бросив мешок и газету на пол, он прошел на кухню и заглянул в холодильник в поисках чего-нибудь съестного. Не нашел ничего, кроме двух иссохших кусков пиццы, завернутых в фольгу. Он свернул их в трубочку, и получилось нечто вроде пиццы-буррито. Усевшись на пол, Джесс принялся есть, копаясь в газете. Выудил буклет «Волмарта», а остальное бросил на пол. Добравшись до раздела с игрушками, он нашел ручку, и принялся штудировать страницу за страницей, обводя тут и там разные товары.

– Пойдет. Ммм... нет. Хмм... Может быть, – Джесс постучал по зубам кончиком ручки. – Да, точняк. Это работает, – он кивнул и подтянул к себе алый мешок. – Ладно, детка, сделай это для меня.

Крепко зажмурившись, Джесс сосредоточился, мысленно высказал свое желание и принялся ожесточенно молиться. А потом сунул руку в мешок. Рука немедленно наткнулась на коробку. Размер вроде был, как нужно, и вес тоже.

– Ну, давай же, – и Джесс вытянул коробку наружу. А в коробке – вот она! – была новенькая игровая приставка «Плейстейшн».

– Йес! – заорал он. – Йес! Теперь мы посмотрим, кто тут неудачник!

Час спустя Джесс уже ехал обратно в город по Третьему шоссе, а в кузове у него лежало четыре черных мешка для мусора, битком набитые консолями и портативными приставками для видеоигр. Мешок Санты он сунул в ноги перед пассажирским сиденьем. Мешок был его счастливым билетом, и он не намеревался выпускать его из вида.

Свернув на полигон на окраине города, куда стогнали старую технику, Джесс поехал, старательно объезжая выбоины, между старыми, облупившимися ангарами. На задах полигона тянулась стена из шлакобетонных блоков, увенчанная колючей проволокой и обвешанная оленьими черепами. Джесс нашел железные ворота, утыканные сверху битым стеклом, остановился, посигналил два раза и помахал в камеру наблюдения, установленную над воротами.

Через пару секунд ворота, заскрежетав, отъехали в сторону. За ними виднелось несколько гаражных боксов. Дверь в высокий бокс посередине была наполовину поднята; внутри виднелось несколько человек, склонившихся над дизельным движком. Джесс подъехал к гаражу, повернул ключ. Двигатель, буркнув, заглох. Джесс вылез из машины, вытащил из кузова один мешок, подошел к гаражу и принялся ждать.

Гараж был отчасти автомастерской, а отчасти – всем подряд. Повсюду, на каждой свободной поверхности, валялось

всевозможное оборудование, заляпанное смазкой, – электродрели, пневматика и просто ручные инструменты. Полуразобранная газонокосилка-райдер стояла в углу рядом с ярко-зеленым, цвета авокадо, холодильником, дверца которого была до черноты захватана грязными пальцами. На полках в глубине выстроились аэрозольные баллончики с краской и разнообразные инструменты таксидермиста, а выше, на стене, висело больше десятка уже набитых трофеев, в том числе голова оленя с рогами о двенадцати отростках и еще одна – черного одноглазого медведя, который, как утверждали слухи, успел задрать трех охотничьих собак Генерала.

Никто из присутствующих даже головы не поднял, поэтому Джесс так и остался стоять, переминаясь с ноги на ногу, с мешком в руке, и смотреть, как Генерал возится с распредвалом. Наконец, один – высокий, светловолосый, крепкого сложения мужик в потертом замызганном комбинезоне – посмотрел на пришельца и состроил кислую гримасу. Отложив отвертку и вытерев руки о замасленную тряпку, он направился к Джессу. Чет был племянником Генерала; они с Джессом когда-то ходили вместе в школу, и с тех пор связи не теряли. Теперь Чет стал контактом Джесса у Генерала – с самим Генералом Джесс никогда напрямую не разговаривал. Так уж у Генерала было заведено, во всяком случае в том, что касалось мелочей, а Джесс, ясное дело, как раз таковой и являлся.

Чет поскреб свои густые, с подкрученными кончиками,

усы:

– Смотри-ка, а мы как раз только что о тебе говорили, Джесс.

Джесс, сощурившись, гадал, что бы это могло значить.

– Мило с твоей стороны, что решил заскочить, – Чет воспроизвел на лице то, что Джессов дедушка, бывало, называл «крокодилья улыбка». – Сэкономил мне кучу времени: не нужно бегать, искать тебя.

– Ну, да, вот он я.

– Надеюсь, у тебя нет никаких планов на сегодня? Потому что они все только что отменились.

Джесс стиснул зубы.

– С тебя одна ходка. Недалеко... в Чарльстон.

– Не могу.

Чет поднял бровь.

– Не можешь?

– Нет. Я с этим покончил.

Чет сдвинул бейсболку на затылок.

– Мне это не нравится, Джесс. Тут, между прочим, люди на тебя полагаются.

– Я теперь другим бизнесом занялся.

– Вот как? И что же это за бизнес?

Джесс опустил на пол мешок с приставками.

– Это что?

– Это мне Санта принес.

Чет смерил его взглядом.

- У меня нет времени на твою брехню.
- У меня к Генералу деловое предложение.
- Давай, вперед.
- Ты – не Генерал.

Чет сощурился.

- Если у тебя есть что сказать, лучше скажи это мне.
- Я здесь, чтобы поговорить с Генералом.

Чет схватил Джесса за ворот куртки и дернул вверх, так, что тому пришлось встать на цыпочки.

- Чет, – прозвучал глубокий, низкий голос. – Охолони.
- Думай, что говоришь, парень, – проворчал Чет, и с силой оттолкнул от себя Джесса.

Подошел Генерал в сопровождении остальных троих, все – Боггзы: племянники, кузены, седьмая вода на киселе. Каждый из них обвел Джесса оценивающим взглядом.

На Генерале был все тот же прикид, в каком Чет привык его видеть: замшевая ковбойская шляпа, прикрывающая лысину, такая же замшевая куртка с бахромой а-ля Даниэль Бун⁸ и сапоги из крокодиловой кожи. Лицо грубое, обветренное, с топорщившейся во все стороны черной с проседью бородой. Лет Генералу было, наверное, уже за шестьдесят, но – несмотря на это, вид у него был такой, что связываться с ним совсем не хотелось. Настоящее его имя было Сэмпсон

⁸ Даниэль Бун (1734–1820) – американский первопоселенец и охотник, участник Войны за независимость США 1775–1783 годов. Один из первых героев Дикого Запада, после смерти превратившийся в персонажа американского фольклора.

Улисс Боггз. Родители дали ему большое имя; они, должно быть, надеялись, что рано или поздно он до него дорастет. Но, поскольку Генерал был на полголовы ниже любого мужчины, он, видимо, пытался компенсировать это обстоятельство другими способами. Опираясь на репутацию, которую род Боггзов заработал подпольным производством и распространением самогона во времена Сухого закона, он пробился (в буквальном смысле этого слова) во все доходные отрасли противозаконной деятельности в округе Бун.

– Ну же, сынок, – сказал Генерал. – Говори, что хотел сказать.

– Ну, – ответил Джесс. – У меня есть предложение, которое, может, вас заинтересует.

– Предложение?

– Да, – Джесс распахнул мусорный пакет так, чтобы все увидели его содержимое.

– Я в видеоигры не играю, – сказал Генерал.

– У меня их полный кузов, и я могу добыть еще.

– Еще добыть?

– Да, сэр. И я подумал: надо нам с вами сотрудничать. У меня есть надежный канал поставок, но мне, конечно, нужна помощь с дистрибуцией, – тут до Джесса дошло, что он слишком частит, и он вынудил себя говорить помедленней: – Могу предложить вам пятьдесят на пятьдесят, за все.

На это Генерал улыбнулся, но Джессу эта улыбка совсем не понравилась.

– И где же ты это раздобыл? – спросил Генерал.

– Ну, – Джесс замялся. – Понимаете, сэр... На самом деле, не могу вам этого сказать.

– Не можешь?

– Нет, сэр. Давайте будем считать, что мне их Санта принес, – Джесс выдавил из себя смешок, но никто не улыбнулся.

Старик не сводил с него взгляда. Никто не двигался, не издавал ни звука. Атмосфера явно изменилась, и не к лучшему. Джессу вдруг перестало все это нравиться – что-то явно было не так, – и ему резко захотелось поскорее отсюда уехать.

Генерал кивнул. Джесс понял, что этот кивок означает проблемы, но, прежде чем он успел пошевелиться, Чет схватил его под руку повыше локтя. Джесс попытался вывернуться, но тут они навалились на него всем скопом.

Они подтащили его к станкам, выстроившимся у стены, и прижали его руку к платформе стационарного перфоратора, ровно над тем отверстием, куда сверло уходит после того, как проделает в чем-нибудь дырку. Чет взял катушку промышленного скотча и принялся приматывать руку Джесса к платформе перфоратора. Джесс попытался выдернуть руку, но скотч держал крепко. Чет толкнул его на колени и придержал, чтобы Джесс не мог подняться.

Подошел Генерал.

– Мне тут Диллард звонил. Не мог бы ты объяснить, в чем

дело?

Джесс похолодел.

– Сказал, ты нес какой-то бред. Вроде как наступать на нас собрался. Что-то скулил насчет того, будто мы тут плохо с тобой обращаемся.

Джесс затряс головой:

– Нет, это совсем не то...

Генерал пнул его в живот.

– Заткнись.

Джесс закашлялся; у него перехватило дыхание. Пока он ловил воздух ртом, Чет оторвал еще одну полоску скотча и залепил ему губы. Рот у Джесса немедленно наполнился вкусом клея, а ноздри раздулись, пытаясь впустить в легкие хоть немного воздуха.

– Я от подобных разговоров начинаю нервничать, – продолжил Генерал. – И мне кажется, нам с тобой нужно кое-что прояснить. Давай-ка начнем с того, что ты можешь потерять. Слыхал я, ты вроде как без ума от этой своей гитары. Прав я, Чет?

– Есть такое дело, – отвечивал Чет. – Держу пари, он скорее будет возиться с гитарой, чем с горячей телочкой. Говорил, его мечта – поехать в Мемфис и там прославиться.

– Что ж, трудновато будет сделать это с дырками в руке, – Генерал кивнул, и Чет щелкнул выключателем перфоратора; гараж заполнил высокочастотный вой. Ухмыляясь, Чет медленно опустил вращающееся сверло, пока кончик не коснул-

ся кожи Джесса.

Джесс стиснул зубы, стараясь не закричать.

Чет опустил сверло еще пониже, так, что оно вонзилось в руку на четверть дюйма.

– *М-м-мать!* – заорал сквозь скотч Джесс.

Чет, рассмеявшись, поднял сверло; на руке у Джесса расплывалось кровавое пятно.

– Я тебе прекращать не велел, – сказал Генерал.

С лица Чета исчезла улыбка. Он непонимающе посмотрел на Генерала.

– Но...

– Вперед.

– Что? То есть, до конца?

– Да, именно до конца.

Чет продолжал молча глядеть на Генерала.

– Ты что, оглох? Просверли его долбаную руку.

– Думал, мы его попугать хотим.

– По мне, он не выглядит таким уж испуганным. А теперь – вперед. Хочу, чтобы малец запомнил, кого он тут развести пытался.

Генерал поморщился, отчего его лицо стало похожим на только что отжатую тряпку; он ступил вперед и ткнул Чета в грудь своим толстым пальцем.

– Тебе бы, парень, надо поучиться делать, что говорят. – С этими словами Генерал, оттолкнув Чета, который еле удержался на ногах, сам взялся за дрель. Наклонившись к

Джессу, он сказал:

– В следующий раз, как язык зачешется, будешь вспоминать вот это, – и Генерал медленно опустил дрель, так, что сверло глубоко вошло в плоть.

Руку Джесса прошила страшная, обжигающая боль. Ощущение было такое, будто ладонь горит. Он заорал, давясь скотчем; из глаз покатались слезы.

Когда дрель прошила руку насквозь, Чета передернуло, как и всех остальных. Генерал даже не моргнул; он только кивал, будто слушал любимую музыку, пока сверло делало свою работу. Кровь, кусочки скотча и мяса забрызгали Джессу лицо, в ноздри ударила вонь горелой плоти.

Генерал аккуратно поднял сверло и выключил дрель. Джесса отпустили, и он обмяк, привалившись к станку перфоратора.

Генерал достал носовой платок, стер с щеки пятнышко крови и присел на корточки рядом с Джессом.

– А теперь послушай, сынок, потому что повторять я не собираюсь. Если я еще хоть раз услышу, что ты решил стукачом заделаться... игры закончатся. И если ты еще хоть когда-нибудь меня рассердишь – неважно, как, – я посажу тебя и твою милую малышку в ящик и закопаю живьем. Это я тебе обещаю, Джесс. Ты просто подумай об этом, ладно? Когда у тебя в следующий раз в заднице засвербит. Понял меня?

Джесс кивнул.

– Ну вот и прекрасно, – сказал Генерал и встал. Окинул

изучающим взглядом Чета, и вид у него при этом был не особенно довольный. – С Джессом мы все уладили, так что можете его отпустить.

Все, кроме Джесса, кивнули, и Генерал, отвернувшись, пересек гараж и поднялся вверх по лестнице, на которой перемигивалась огоньками рождественская гирлянда, и исчез в кабинете на втором этаже. Стоило ему закрыть за собой дверь, как Чет показал в его сторону средний палец.

– Ты это, поаккуратнее, – предупреждающим тоном сказал худощавый, жилистый мужик, стоявший слева от Чета. На Линэрде Боггзе была ковбойская шляпа, вся в пятнах от пота, с воткнутым в тулью орлиным пером. Его отец был большим поклонником группы «Линэрд Скинэрд»⁹, так что Линэрду с имечком еще повезло.

– Вашу мать, – сказал Чет. – Сукину сыну не мешало бы немного охолонуть. Если дела идут хреново, это не значит, что он может так с нами обращаться.

– Ему сейчас непросто, и это его достало, вот и всё. Помню, еще совсем недавно нигде, кроме как у Генерала, дозу было не достать. А теперь каждый торчок варит свое собственное дерьмо у себя в подвале. Генерал теряет авторитет, и, как ты мог заметить, он этого не в восторге.

– И все эти разговоры насчет того, чтобы ребенку что-то дурное сделать, мне тоже не нравятся. Так у нас тут дела не

⁹ «Линэрд Скинэрд» – американская рок-группа, наиболее известный представитель и популяризатор южного рока 1970-х годов.

ведутся. Никогда.

– Правила меняются. У торчков, которые на винте сидят, вообще никакого уважения нет.

– Долбаные торчки, – выплюнул Чет. – Долбанный винт. Все, на хрен, псу под хвост из-за них.

– Ну, это еще не все. Слыхал я, у нас тут и конкуренты появились.

– О чем это ты?

– Какие-то ребята из Чарльстона пытались тут кое-что толкнуть.

– В Гудхоупе? Ты что, *шутить*?

– Если бы. Услышал, как Генерал с Диллардом об этом толковали. Как я понял, Диллард-то их и застукал.

– Диллард? Охренеть! Я так понимаю, ничем хорошим это для них не кончилось.

– Это ты правильно понимаешь.

– Небось их теперь в пруду у Неда искать надо? Где он сомов откармливает?

Линэрд пожал плечами.

– Давай просто скажем, что сомов я в ближайшее время есть не собираюсь.

– Черт, этот сукин сын Диллард меня иногда просто пугает.

Джесс содрал с лица скотч, еле удержавшись, чтобы не вскрикнуть. Потом он принялся теревить и расшатывать моток скотча, удерживавший его руку. Подошел Чет.

– Дам тебе один совет, Джесс. К Дилларду больше не суйся. Не тронь дерьмо, как говорится. Может, ты думаешь, что у тебя на него что-то есть, но ты просто не представляешь, на что способен этот ублюдок.

– Это не твое дело.

– Не мое. Но я своими глазами видел, что он делает с теми, кто переходит ему дорожку. Он в игрушки играть не будет. Просто сделает так, что ты исчезнешь, и все.

Джесс продолжал молча терзать скотч.

– Что, не веришь? А спроси-ка себя вот о чем: кто-нибудь хоть что-нибудь слышал о том, куда девалась его жена? Некоторые думают, она сбежала. Что ж, я-то лучше знаю.

– Как это ты знаешь? – спросил Линэрд.

– А я тебе не скажу.

– Все-то ты гонишь.

Чет замялся; он явно что-то прикидывал.

– Я видел ее труп на фотографии.

У Джесса кровь застыла в жилах; он прекратил терзать скотч и поднял взгляд на Чета. Чет смотрел Линэрду прямо в глаза, и вид у него был серьезней некуда.

– Фотография? – переспросил Линэрд. – Хочешь сказать, ты видел фотку жены Дилларда, и она там была мертвая?

– Лучше бы не видел.

– Где ж ты видел эту фотографию?

– Мне ее Диллард показал.

– Брехня.

– Правда показал.

– Да зачем бы ему это делать?

– Хрен его знает. Поди пойми его. Это пару месяцев назад было, я ему тогда помогал перетащить в гараж его старый холодильник. Когда мы закончили, он меня и спрашивает, не хочу ли я с ним пивка выпить. Ну, я, конечно, хотел. В общем, выпили по одной, по другой, по третьей, а потом я уже и не очень помню, что было. Знаю только, что мы вытащили пару складных стульев с террасы и нажрались прямо там, у него в гараже. Ну, короче, он всегда, как напьется, начинает о жене говорить, как он по ней скучает, и все такое. И в этот раз поплыл, ну а я тоже уже никакой был, сижу, сочувствую. Так вот он берет с полки шкатулку для шитья, красивую такую, всю в розах. Говорит, это, мол, была коробочка Эллен, открывает ее, а там сверху лежит ее свадебная фотка. Могу добавить, что Эллен в свое время была женщина очень даже видная. Ну, и вот он пялится на фотку, будто заползти туда хочет. Я-то всегда слышал, что она его обчистила, ну, и мямлю там что-то такое, как мне жаль, что она с ним так поступила. А он и говорит: «Да, и она тоже жалеет». И так он это сказал, что я сразу насторожился. А он такой подцепил рамку, и вытащил из-под нее еще одну фотку, «поляроид». И глядит на нее молча, глядит и глядит, а у самого лицо, как камень. А потом показал ее мне. Это была она, его жена. И она была мертва. Сомневаться не приходилось. И видно было, что умерла она не по-хорошему. А он мне и говорит:

«Никогда еще ни одна женщина так ни о чем не жалела». И так он это сказал, что меня дрожь пробрала... До самых костей.

– Черт, – сказал Линэрд. – Ну и дерьмо, просто жуть какая-то.

– Да уж, тут ты прав, – сказал Чет и посмотрел на Джесса. – И вот поэтому, Джесс, будь я на твоём месте, я бы держался от этого человека, на хрен, подальше. Связываться с ним – себе дороже... Кто б ты ни был.

У Джесса в ушах грохотала кровь. Слухи до него доходили, но одно дело – слухи, а совсем другое – услышать это вот так, от Чета, который видел все собственными глазами. По спине побежали мурашки – его кроха жила под одной крышей с человеком, способным на хладнокровное убийство. На что еще он был способен? Джесс отодрал последний кусок скотча и рывком высвободил руку. В ладони, между костями среднего и указательного пальцев, зияла дыра диаметром примерно с карандаш, которая быстро набухла кровью. Он сжал пальцы в кулак, разжал опять. Было больно, но все пальцы двигались нормально.

– Похоже, тебе повезло, – сказал Чет. – Сверло прошло мимо кости. Но дрочить тебе пока явно придется левой рукой. – Он фыркнул. – Кто знает... Может, тебе таки доведется еще поиграть на гитаре.

В первый раз в жизни Джессу было все равно, будет он еще когда-нибудь играть на гитаре, или нет. Единственное, о чем

он мог думать – это об Эби, которая была в доме у Дилларда, и защитить ее было некому. Джесс с усилием поднялся на ноги и, спотыкаясь, направился к своему пикапу. Рванул на себя дверцу, забрался внутрь.

– Эй, Джесс, – Чет подошел к пикапу с мешком приставок в руке. – Ты тут кое-что забыл. – Чет выудил из мешка одну коробку. – Ничего, если я возьму себе одну? Тут племяшка мой весь год ныл, хотел такую.

Джесс его проигнорировал: он пытался вытащить ключи из кармана левой рукой.

– Джесс, просто, чтобы не было непоняток: сегодняшнюю ходку никто не отменял.

Джесс метнул на него яростный взгляд.

– У школы... На задах, как обычно. Скажем, в семь. Смотри, не подведи. О, и сделай самому себе одолжение... Прими к сведению, что сказал Генерал, и не делай глупостей.

Джесс оскалился.

– Слушай, придурок, это я не о тебе забочусь. Я тебе все это говорю потому, что – так уж получилось – мне нравятся Линда и Эбигейл, и мне бы страшно не хотелось, чтобы с ними что-то случилось. Правда. Черт, знаешь, было время, когда я и сам забил бы на угрозы Генерала, он ими часто бросается, но, Джесс, в последнее время я тут всякого навидался, и я бы лично не стал испытывать терпение этого человека. Если он угрожает посадить в ящик твою малышку, тебе бы лучше воспринять его слова всерьез. Ну сам посуди, он же

держит тебя за задницу, так крепко, что мог бы ею вразнос торговать. Так что пожалуйста, избавь нас всех от проблем, будь хорошим мальчиком. Лады?

Джесс ничего ему не ответил, даже не кивнул. Он повернул в зажигании ключ, невзирая на острую боль в руке, включил передачу и выехал на дорогу, так и оставив Чета стоять, где стоял, с мешком приставок в руке.

Глава четвертая

«Черти»

Санта-Клаус покосился через плечо. Двое парнишек на ВМХ-байках все так же тащились за ним. Этим утром, ближе к полудню, Санта наткнулся на линию электропередач, и теперь он шел вдоль нее на запад. Недавно он миновал двойной трейлер; те ребята прыгали на своих байках на рампе, когда он проходил мимо. Уставились на него и смотрели, пока он не скрылся из виду. И вот теперь, пару миль спустя, они здесь – прячутся за кустами, следят за каждым его шагом.

«Их придется отвадить. Все-таки не годится, чтобы дети видели, как старый добрый Санта кромсает на куски Крампуса и его кощунственных созданий».

Издалека до него долетел хриплый крик – то, чего он так долго ждал. Он обшарил взглядом небо, но увидел только серые, тяжелые тучи. Снял с пояса рог и дунул – одна короткая, мощная нота. Секундой позже он был вознагражден: опять крик и два черных силуэта, летящие к нему сквозь плотные тучи.

Спустившись, они сели на искривленную ветвь поваленного дуба – два великих ворона, Хугин и Мунин. Каждый был величиной с орла, с черными, гладкими, блестящими перьями. Сложив крылья, они с любопытством уставились на Санту своими умными глазами.

– Помните Крампуса? Да, знаю, вы помните. Похоже, он не погиб во тьме, как ему было должно. Каким-то образом он выполз из-под камней обратно на свет, чтобы творить бесчинства – и натворил. Теперь мой Рождественский мешок утерян – где-то здесь, в ближайшем городке.

Огромные птицы вопросительно склонили головы набок.

– Ищите его тварей, его кощунственных отродий, Бельсникелей. Потому что они тоже будут охотиться за мешком. Когда вы их найдете, следуйте за ними неотвязно, как дурные предзнаменования, и укажите мне на них своим криком... Ибо мой меч жаждет испить их крови.

Вороны, хрипло заклекотав, кивнули – совершенно по-человечески.

– Летите же, птицы мои, и поспешите. Найдите их и укажите мне путь.

Гигантские вороны, подпрыгнув, взвились в воздух, разметав подмерзшие листья, и полетели куда-то вниз, вдоль склона.

Металлический звон. Санта обернулся и увидел, что те ребята подобрались к нему совсем близко – гораздо ближе, чем это было бы благоразумно. Сидели на своих велосипедах и тарацились на него во все глаза. Санта подошел к ним. Тот, что помладше, тревожно взглянул на старшего: казалось, он готов был в любой момент сорваться с места. У старшего – подростка лет тринадцати – тоже был неуверенный вид, но отступить он явно не намеревался.

– А чё это вы так одеты? – спросил подросток.

– Ага, – поддакнул мелкий. – Чё это вы Санта-Клаусом одеты?

– Потому что я – Санта-Клаус.

Старший парнишка фыркнул:

– Ага, и моя задница тоже.

Младший тоже поспешно фыркнул.

Санта вспомнил, почему он так ненавидит подростков – они так усердно стараются ни во что не верить. И делают все, чтобы испортить волшебство всем остальным.

– Идите домой.

Подросток моргнул.

– Эй, это свободная страна. Вы не можете указывать нам, куда идти.

– Что, новый велосипед?

– Ага, – ответствовал парнишка с очевидной гордостью. – На Рождество подарили. Отпадная вещь!

– Не мог бы ты слезть? Пожалуйста.

– Э... Чё? Зачем это?

– Что бы тебя на нем не было, когда я спущу его под откос, – Санта кивнул в сторону обрыва, по которому шла тропа. Дно ущелья было усеяно обломками скал.

Санта схватил велосипед за руль и пнул колесо в бок, вышибив разом почти все спицы. Обод немедленно пошел «восьмеркой».

– Эй! – заорал парень. – Эй, вы не можете так делать!

Он вскочил на ноги, и, когда он это сделал, Санта выдернул из-под него велик. Поднял над головой и бросил вниз. Велосипед несколько раз подскочил, перевернулся в воздухе и грохнулся на камни внизу.

Мальчишки стояли, разинув рты, и глядели на то, что осталось от велосипеда.

– Думаю, вам больше не стоит за мной ходить. Как вам кажется?

Ответа Санта дожидаться не стал – торопили дела. Повернувшись, он быстро зашагал дальше.

* * *

Стиснув зубы, Джесс мчался по шоссе к дому Дилларда. Не отрывая взгляда от дороги, он наклонился, открыл бардачок, порывшись, нашарил там пистолет и положил на сиденье рядом с собой.

– Заберу дочь, – сказал он вслух, потому что хотел слышать, как это звучит. – А если кто попробует помешать – застрелю.

Милю спустя он остановился у заправки.

– Твою мать! – Джесс взял револьвер и впился в него взглядом. У него в ушах опять зазвучал голос Дилларда: *«Ты не сделаешь этого, Джесс. Уж я-то знаю. Если я в чем и хорош, так это в том, что я всегда знаю человеку цену»*.

Джесс посмотрел на дыру у себя в ладони.

– И Генерала тоже застрелю! – прорычал он. – Всех их застрелю на хрен!

Слова прозвучали как-то жалко, и ему стало только хуже.

Он заглушил пикап, вышел и прошел через заправку в туалет. Включил теплую воду и промыл рану на руке – как сумел. Рука онемела, плоть вокруг раны потемнела и начала опухать. Оборачивая руку бумажными полотенцами, он задумался, сможет ли еще он когда-нибудь играть на гитаре. «Может, Генерал мне услугу оказал? Может, будет только лучше, если я не смогу играть. Просто брошу музыку, и все».

Джесс забрался обратно в пикап и решил, что пока лучше всего будет поехать домой и подумать. «А о чем думать-то?» – тут же спросил он себя, и опять у него в голове зазвучал неотвязный голос Дилларда: *«Я бы его застрелил, без вопросов. Потому что настоящий мужик поступил бы именно так».*

Джесс выехал обратно на шоссе и через несколько минут уже заезжал на территорию Кингз-Касл, разбрызгивая натекшую в выбоины мерзлую жижу и изо всех сил стараясь прочистить голову. Уже вечерело; через пару часов Чет будет ждать его позади начальной школы, и если Джесс там не появится, дела сразу же обернутся к худшему. «Ну не могу я и дальше делать для них ходки. Рано или поздно в тюрьгу загремлю. Что бы я ни сделал, все к худшему. Что же мне делать? Что же мне, на хрен, делать?..»

Он выудил из нагрудного кармана пачку сигарет, пошарил

в ней, но пачка была пуста. Джесс шлепнул картонкой о приборную доску, и оттуда выкатилось несколько крошек табака.

– Прекрасно. Просто прекрасно. – Он скомкал пачку и кинул на пол. – Вот дерьмо, вы только посмотрите на это!

Над его трейлером кружили две огромные птицы. Сначала Джесс подумал, что это какие-нибудь канюки, но, подъехав поближе, разобрал, что птицы были похожи скорее на ворон – или на воронов. Он бросил взгляд на трейлер.

– А это что еще за херня?

Дверь трейлера была открыта нараспашку. Внутри что-то явно двигалось: какая-то сгорбленная фигура, копошившаяся в сваленных у двери коробках, спиной к нему. На незваном госте была темная куртка с поднятым капюшоном. И, хотя лица Джесс не видел, ему сразу стало понятно, кто это.

Он проехал мимо, даже не притормозив, будто его дом был дальше по дороге, надеясь изо всех сил, что его не заметили. Дорога заканчивалась тупиком, и у него не было выбора, кроме как, развернувшись, двинуться в обратную сторону. Джесс сдал задом на подъездную дорожку Такеров и развернулся, стараясь не привлекать к своим маневрам ни малейшего внимания. И тут заметил еще одну фигуру в капюшоне. Незнакомец бродил по кустам позади его трейлера, низко пригнувшись к земле, будто что-то вынюхивая. Джесс покосился на мешок Санты, лежавший на полу, и принялся гадать, не могут ли эти создания каким-то образом чуют ме-

шок. Он подхватил мешок, намереваясь выкинуть его в окно и уехать подальше, но тут существо выпрямилось, поджав когтистую руку, точно собака – лапу, понюхало воздух, а потом голова твари резко дернулась в его сторону. На лице у *этого* красовались солнечные очки, хотя день выдался пасмурным, солнца не было и в помине. Оно подняло очки, и тут Джесс увидел его глаза: горящие, оранжевые, они были устремлены прямиком на Джесса, провожая взглядом ползущий по дороге пикап.

Джесс сунул мешок обратно в ноги перед пассажирским сиденьем, борясь с желанием втопить педаль газа в пол.

– Спокойно, – прошептал он. – Только спокойно.

«Черт» тем временем направился к дороге. Джесс старался на него не смотреть, но все время чувствовал на себе взгляд этих горящих оранжевых глаз – особенно когда проезжал мимо. «Еще чуть-чуть. Еще совсем чуть-чуть». В зеркало ему было видно, что «черт» выбрался на дорогу и быстро направляется в его сторону. Поглядев опять вперед, на дорогу, Джесс вскрикнул: прямо перед ним, посреди дороги, стоял еще один – тот, который побольше, с рогами, весь покрытый мехом, и с копьем.

– Вот дерьмо! – заорал Джесс, и крутанул руль влево.

«Черт», шлепнув пятерней по стеклу с противоположной от Джесса стороны, побежал рядом, заглядывая внутрь и улыбаясь. Зубы у него были очень грязные.

Джесс дал по газам. Колеса провернулись, буксуя на сме-

си гравия со снегом, и какую-то секунду он отчаянно жалел, что заложил хорошую резину, но тут шины наконец зацепили землю, и пикап сорвался с места, быстро набирая скорость, подпрыгивая и переваливаясь на ухабах. Джесс глянул в зеркало – никого. По крыше кузова вдруг что-то тяжело ударило, а потом послышались шаги – уже по крыше кабины.

Тварь соскользнула по лобовому стеклу прямо на капот, и вновь одарила его кривоватой улыбкой. При виде мешка глаза твари широко распахнулись – и загорелись, в буквальном смысле, будто кто-то поднес к дровам спичку. Откинув голову, существо завывало – долгий, переливчатый вопль, почти рыдание, так, что у Джесса волосы встали дыбом. Повсюду вокруг зазвучали ответные вопли. Существо откинулось назад и с размаху всадило кулак в лобовое стекло, пробив дыру. По стеклу побежали трещины. Высвободив кулак, существо вновь откинулось для очередного удара, но тут Джесс резко вывернул руль влево, потом вправо, пикап рыскнул из стороны в сторону, и существо сорвало с капота. Оно ухватилось за дворник, сползая все ниже и ниже. Впереди показались еще двое «чертей» – они длинными прыжками неслись к нему прямо дороге.

– Господи, да они повсюду!

Тот, что висел на капоте, начал подтягиваться обратно. Джесс опять рванул руль, нарочно проехав по рытвине. «Черта» подбросило в воздух, и он улетел с капота, по-прежнему сжимая в руке дворник. Приземлился он в сугроб на

обочине и тут же исчез из вида, скатившись в кювет.

Те двое, что были впереди, быстро приближались – напереперез. Джесс продолжал что есть силы давить на газ. Старый восьмицилиндровик надсадно ревел, и пикап ходко шел вверх, в горку.

– *Давай же!* – орал Джесс. – *Давай!*

Он уже было решил, что ему удалось прорваться, когда то чудище, что бежало впереди, прыгнуло, перелетев через сугроб, и врезалось в дверцу со стороны пассажирского сиденья. Пикап заходил ходуном. Существо уцепилось за боковое зеркало, потом схватилось за ручку и распахнуло дверь.

Впереди показались мусорные баки и ковчег Милли. Джесс резко дернул руль вправо, к бакам, впечатал в них дверцу вместе с повисшим на ней «чертом». Следующие несколько секунд время словно замедлилось, будто кто-то нажал на паузу, и Джесс ясно увидел парящих в воздухе «черта», Иосифа, Марию и младенца Иисуса – в сопровождении мусора Милли.

«Черт» врезался в белый заборчик Милли и покатился по ее двору.

А Джесс уже мчался вниз, под горку, к шоссе. Пикап бросало из стороны в сторону на рытвинах и ухабах, водило от кювета до кювета. Он прошелся по ряду почтовых ящиков, стоявших у подножия холма, потом въехал в кювет, а из кювета – прямо на шоссе. Джесс ударил по тормозам, и задние шины занесло – в кювет на другой стороне дороги. Пи-

кап развернуло в противоположную сторону, и Джесс увидел всех пятерых – они неслись длинными, стелющимися прыжками, быстрые, как олени, а их глаза – их страшные, горящие глаза – были устремлены прямо на него.

– М-м-мать! – он нажал на газ, колеса провернулись в грязи вхолостую, и какую-то секунду ему было предельно ясно, что он застрял и все кончено, но старик «форд» справился, шины зацепили асфальт, и, визжа покрывками, он понесся прочь.

Джесс в последний раз поймал «чертей» взглядом в зеркале заднего вида – далеко позади, на шоссе. Они и не думали останавливаться, сдаваться. И в этот момент Джесс понял: как бы далеко он ни убежал, эти существа будут преследовать его в кошмарах всю оставшуюся жизнь.

* * *

Джесс двигался на юг со скоростью почти восемьдесят миль в час, даже не замечая пронизывающего ветра и снега, забивавшегося в кабину сквозь дыру в лобовом стекле. Старенький восьмицилиндровик выл и стонал, угрожая заглохнуть от натуги. Сердце у Джесса все еще стучало, как бешеное. От города его отделяло уже десять миль; он скоро уже должен был выехать на федеральное шоссе – и это его вполне устраивало. Джесс не планировал останавливаться, пока не окажется в Кентукки, или, может быть, в Мексике.

Он зло покосился на мешок Санты, будто тот его каким-то образом предал. Не снижая скорости, перегнулся через пассажирское сиденье и опустил окно. Потом одним движением выдернул мешок из-под приборной доски и выкинул его в окно. Мешок запрыгал по асфальту и шлепнулся в кювет.

Все, довольно с него Гудхоупа, довольно Западной Вирджинии, довольно сумасшедших «чертей» и их горящих оранжевых глаз, довольно с него Генерала и всей этой муто-ты. «И если Линде так уж, на хрен, невтерпеж выйти за этого ублюдка Дилларда, если ей так уж нужен его большой, дорогуший дом и большая, дорогушая тачка... пусть оно ей и достанется. Пусть ей достанется всё!»

Джесс попытался ухватиться за эту мысль, не думать больше ни о чем, но ведь это было не все, было еще кое-что, от чего он не мог отмахнуться, и в глубине души он это знал. Он сосредоточился на дороге, на мелькающих под колесами желтых полосках, только бы не слышать ее имя, ее голос... «Папа». Джесс стиснул зубы и вцепился в руль так, что дыра у него в руке запульсировала болью.

«Ты же слышал, что сказал Генерал. Прекрасно слышал. Он посадит Эбигейл в ящик».

– Не сделает он этого. Не может такого быть.

«А что, если сделает? Сможешь ты с этим потом жить?»

Джесс отпустил газ. Пикап сбросил скорость до сорока... тридцати... двадцати... десяти миль в час.

«Сбежать не получится. Только не тебе, Джесс. Как всегда».

Впереди показалась пустая стоянка, где когда-то торговали подержанными тачками, и он остановил машину под потрепанными рекламными баннерами. Выцветшая надпись «Ликвидация бизнеса» поперек витрины провозглашала финальную распродажу. Джесс вышел из машины, захлопнул дверцу. На дверце со стороны пассажира красовалась вмятина, боковое зеркало отсутствовало, из двух дворников остался только один, и, конечно, была еще дыра размером с кулак в лобовом стекле. Тут он заметил малютку Иисуса из вертепа Милли Боггз – пластиковая фигурка застряла между кабиной и кузовом пикапа. Казалось, Спаситель смотрел прямо на него. И улыбался.

– Что, весело тебе?! – заорал на куклу Джесс.

Иисус безмолвствовал.

– Не знаю, что я тебе такого сделал, но, судя по всему, это было что-то ужасное, – Джесс пнул дверцу. – Знаешь, в моей жизни и так было предостаточно дерьма.

Его взгляд упал на дыру в лобовом стекле, и он вздохнул.

– С этим надо что-то делать.

Он обошел вокруг пикапа, опустил задний борт и поднял дверцу. Отодвинул в сторону гитару, мешки с игровыми приставками, и забрался внутрь. В дальнем конце кузова, у кабины, были свалены в кучу его спальный мешок, брезентовая сумка с рабочей одеждой и какие-то мелочи, которые оста-

лись еще от отца да так и валялись в пикапе. Всякое старье, которое невозможно было уже продать или заложить. Джесс отодвинул в сторону ящик с инструментами, удочку, и вытащил на свет отцовскую охотничью винтовку. Он хранил ружье завернутым в промасленные тряпки, чтобы оно не заржавело, и сейчас подумал, что тряпки сгодятся на то, чтобы заткнуть дыру в стекле. Он снял с ружья тряпки, складывая их себе на колени, а потом взял винтовку в руки. Рычажная перезарядка, двадцать второй калибр. Джесс провел рукой по потертому прикладу, по гладкому дулу. Он будто встретил старого друга, будто вернулся опять в леса своей юности, где, бывало, бродил целыми днями в поисках кроликов, и единственной его заботой было не наткнуться на лесника из Охотничьей комиссии.

Мимо по шоссе прогрохотала фура, и Джесс поднял взгляд. Заметил, что день уже клонится к вечеру, и в груди у него что-то сжалось. Скоро его будут ждать у школы, и, если он не появится, «черти» станут только частью его проблем.

– Что ж тебе делать, Джесс? – он погладил винтовку.

«Просто приехать обратно и перестрелять всех к чертовой бабушке. И все будет кончено».

Он улыбнулся, но улыбка вышла безрадостная, потому что он знал, что на самом деле ему надо будет сделать, знал, что сделать это будет нелегко.

«Тебе придется вернуться, забрать Эбигейл, а потом валить отсюда на хрен – вот и все, что тут можно поделывать».

Уехать в Мексику, или, может, в Перу – куда-нибудь, где Генерал и его команда никогда до нас не доберутся».

Он потряс головой, отложил винтовку, и тут до него дошло, что, может, Генерал *и был* решением проблемы. Когда Джесс делал ходку, он обычно и деньги забирал, оплату за товар. Обычно в районе от двух до трех тысяч долларов.

«Тупо забрать деньги и дать деру. – Он кивнул. – Пока до Генерала дойдет, времени должно хватить. Нужно только, чтобы Дилларда точно не было дома. – Джесс прикусил палец. – Это устроить несложно. Поджечь где-нибудь помойку, или, еще лучше, расколотить витрину». Он почувствовал, как в нем оживает надежда. Шанс, каким бы ничтожным он ни был, лучше, чем ничего. «Увезти Эбигейл, пока Диллард гоняется за призраками».

– А Линда? – он нахмурился.

«Линда – это проблема. Самая большая».

Он потряс головой.

– Может, если я расскажу ей все, она все поймет. Она просто обязана понять.

Тут ему в голову пришла еще одна мысль: «Может, если я сумею найти то фото с Эллен. – Он кивнул, и его сердце забилось чаще. – Если она увидит ту фотографию, может, она даже поедет с нами».

Вот только...

– Вот только что?

«Что же ты будешь делать, когда доберешься до Мекси-

ки?»

Джесс взглянул на два мешка с приставками. «Наверное, загнать это барахло в Мексике будет нетрудно». Он подумал о мешке, который валялся где-то на обочине – просто валялся, как на блюдечке, бери, кто хочет.

– Черт, надо мешок забрать.

Джесс выкатился из кузова, захлопнул дверцу, обежал пикап и запрыгнул в кабину. Сунул скомканные тряпки в дыру в лобовом стекле, завел мотор и вновь выбрался на шоссе.

Через минуту он уже вытаскивал мешок Санты из грязного кювета, причем грязи на мешке не было совсем, он даже не намок. Резкий птичий крик заставил задрать голову; в небе кружили две крупные черные птицы. Только через секунду до Джесса дошло, что это были такие же птицы, как те, что кружили над его трейлером. Может быть, даже *те же самые*. Он бросил мешок на пассажирское сиденье, и птицы принялись хрипло орать. Надвигались сумерки; тени между деревьями становились все гуще. Джессу пришли на память «черти», их глаза. Он торопливо забрался в пикап и направился к городу.

* * *

Джесс миновал дорожный знак «ЗОНА БЕЗ НАРКОТИКОВ», притормозил, въехал на парковку младшей школы «Санни Хиллз», обогнул кафетерий и припарковался у по-

мойных ящиков. Заметил, что на приборной панели горит лампочка – бак был почти пуст. Джесс постучал по лампочке, которая неуверенно замигала, и мысленно сделал себе пометку сказать Чету, что, если тот хочет, чтобы Джесс мотался в Чарльстон и обратно, ему лучше бы отстегнуть денег на бензин.

Джесс заглушил двигатель и принялся разглядывать лесенки на детской площадке. Сколько часов он провел на этой площадке, еще когда ходил в «Санни Хиллз», когда у него еще были мечты куда-то пробиться. Дурачок с гитарой...

Он глянул на дорогу. «Черт, где же Чет?»

Джессу не слишком улыбалось торчать подолгу на одном месте, когда где-то поблизости шляются эти твари. Ему страшно хотелось курить, хотелось хоть чем-то успокоить нервы. Он оглянулся на деревья – не видно ли этих их оранжевых глаз. Уже почти совсем стемнело, и ему казалось, каждый куст, каждая тень пытаются к нему незаметно подкрасться. Он взял с сиденья пистолет, открыл барабан и дважды убедился в том, что оружие полностью заряжено. Мимходом задумался, сгодятся ли обычные пули против таких, как эти, или нужны серебряные, ну, или вода святая, или что там еще. Джесс с щелчком вернул барабан на прежнее место, и сунул револьвер в нагрудный карман. Заметил, что мешок Санты торчит из-за сиденья, и попытался запихать его поглубже под приборную доску.

«Только бы у меня получилось, – подумал он. – Вызво-

лить отсюда Линду и Эбигейл, и тогда все может обернуться к лучшему. Поселиться в каком-нибудь местечке потеплее, у моря, где ребенку будет хорошо. Может, даже открыть заведение, где я мог бы играть свои песни. Это будет, конечно, не Мемфис – но и не округ Бун. Моя семья будет со мной, и в этот-то раз я уже не облажаюсь. Нет, сэр, только не в этот раз».

Он откинулся на сиденье, закрыл глаза и сделал то, что не делал с тех пор, как был еще ребенком.

– Господи, если у тебя есть минутка, выслушай меня, пожалуйста. Знаю, я твоего внимания не заслужил. Но если бы ты дал мне маленькую поблажку, только на этот раз, ради Эбигейл, я был бы страшно тебе благодарен. И если ты это сделаешь... клянусь, я этого не забуду. Уж как-нибудь, когда-нибудь, но я тебе за это отплачу. Клянусь.

И тут сверху до него донеслось карканье. Джесс открыл глаза, выпрямился. Сердце у него колотилось, как бешеное. Вороны – они оба были здесь – наворачивали круги у него над головой.

– Черт, плохи дела. Совсем плохи.

Он потянулся к ключу зажигания и тут заметил приближающиеся фары – две пары. Патрульная машина заехала на школьную парковку и остановилась у самого въезда – видно, Диллард приехал, чтобы приглядеть за тем, чтобы все прошло хорошо, и чтобы никто не помешал. Четов «Шеви Аваланш» последней модели, черный, с тонировкой на окнах,

въехал через нижние ворота и припарковался рядом с пикапом Джесса.

Джесс сквозь зубы втянул в себя воздух.

– Сыграй, как по нотам, Джесс. Не облажайся.

* * *

Широким, пожирающим расстояние шагом Санта пересек парковку у методистской церкви Гудхоупа. Он был рад надвигающимся сумеркам, постоянно ощущая спиной удивленные взгляды. Когда он проходил мимо церкви, из-за угла быстрой походкой вышла молодая женщина с картонной коробкой в руках. Коробка совершенно закрывала ей обзор, и она врезалась прямо в Санту, отчего коробка вылетела у нее из рук. На дорожку посыпались упаковки с новогодними шляпами и дуделками.

– О, господи, – сказала она. – Простите, пожалуйста, я...

Тут женщина осеклась – казалось, у нее внезапно кончились слова. Она бросила взгляд через плечо на человека, который шел следом за ней – пожилой, жилистый мужчина со строгим, пронизывающим взглядом. У него в руках тоже была коробка со снаряжением для новогодней вечеринки. Санта наклонился, сгреб рассыпавшиеся предметы обратно в коробку, подал ее женщине и направился дальше.

– Мистер! – окликнула его женщина. – Простите! Вы что-то уронили. Вот это.

Санта обернулся. Женщина протягивала ему рог. Он вернулся, забрал рог, сказал: «Спасибо», и развернулся, чтобы идти.

– С Рождеством, – сказала она.

Он невольно улыбнулся:

– С Рождеством.

Человек, стоявший рядом с ней, нахмурившись, разглядывал его костюм. Потом покачал головой:

– Сегодня – день рождения Иисуса. Так, напоминая на всякий случай, брат мой, потому что бывает, люди в это время года сбиваются с толку, – улыбаясь, он положил руку Санте на плечо. – Думают, это день Санта-Клауса.

Санта посмотрел ему прямо в глаза.

– Ваше преподобие, – сказала женщина, – ну не начинайте, пожалуйста, – она виновато взглянула на Санту. – Не обращайтесь на него внимания. Когда речь заходит о Рождестве, он бывает немного непрактичен.

– Да уж, а как иначе. Санта-Клаус и его подарки – вечно они встают на пути у Слова Божия.

– Как и религия, – был ответ Санты.

Преподобный сощурился.

– Ну, думаю, вам сложно будет поспорить, что миру нужно больше Иисуса и поменьше Санты.

– У Господа много слуг.

Пастор повернулся к женщине:

– Видите, как раз об этом я вам и говорил. Люди сбиты с

толку. Особенно дети. Санта-Клаус – это сказка. И если люди говорят своим детям другое – что ж, они им просто-напросто лгут.

– Почему вы думаете, что Санта-Клауса не существует? – спросил Санта.

– А вы его когда-нибудь видели?

– А вы когда-нибудь видели Иисуса?

Преподобный заколебался.

– Иисус – у меня в сердце.

– Найдется ли в вашем сердце место для обоих? И тот, и другой несут мир, милосердие и добрую волю.

– Только Иисус может спасти твою душу от вечного проклятья, – преподобный торжествующе ухмыльнулся. – Может ли Санта это сделать? Что-то сомневаюсь.

Санта вздохнул:

– Все мы служим Господу по-своему. – Потом, очень тихо, будто про себя: – Иногда – вне зависимости от того, хотим мы этого или нет.

Пастор метнул на него озадаченный взгляд и продолжил говорить что-то о спасении души, но Санта уже его не слышал. Вместо этого он вслушивался в отдаленное карканье. Окинув взглядом небо, он заметил воронов – они кружили над чем-то в той стороне, куда он шел, очень далеко. «Они нашли! Они нашли мешок!»

Санта быстро пошел прочь, оставив пастора и женщину обмениваться недоуменными взглядами.

Изабель откинула капюшон, сняла темные очки и оглядела небо. Воронов не было и в помине. Бельсникели – все пятеро – стояли на гребне холма, обозревая долину. Внизу, под ними, раскинулся городишко Гудхоуп. Из-под тяжелых низких туч расплзалась вечерняя мгла. Они надеялись, что человек в пикапе далеко не уехал. Всем было понятно, что, если он оставил город, у них было очень мало шансов найти его прежде, чем его найдут чудовища Санты или Санта собственной персоной.

Маква указал на запад, и все посмотрели в ту сторону.
– Ты их видишь? – спросил Вернон.

Маква нетерпеливо ткнул пальцем опять, в ту же сторону. По-английски он говорил – им владели все трое шауни, но этот язык их бесил. Маква называл английский «языком-уродом». Изабель отчаялась выучить язык шауни, решив, что, раз уж за все эти годы в ее голове ничего не задержалось, то вряд ли это когда-нибудь случится вообще. Так что, лавируя между индейским упрямством и ее полной неспособностью к языкам, они изъяснялись в основном жестами и междометиями.

– Ну, я ничего не вижу, – раздраженно сказал Вернон. Изабель тоже ничего не видела, но это не значило, что птиц нигде не было. Маква знал Крампуса уже очень давно, по

догадкам Изабель – около четырех сотен лет, а чем дольше ты отирался возле Крампуса, тем больше магии тебе доставалось.

Маква посмотрел на них, на слабоумных, а потом пустился вниз по тропинке; двое братьев – Випи и Нипи – последовали за ним. Пожав плечами, Изабель и Вернон отправились следом.

Все пятеро мчались по лесу. Уже темнело, им не было нужды скрывать лица, и Изабель наслаждалась зимним ветром, пляшущим у нее в волосах. Кровь Крампуса текла у них в жилах, даря всем пятерым силу и стойкость. Изабель могла бежать быстрее и прыгать дальше любого человека, могла часами мчаться без усталости – но это было еще не все; его кровь отворяла их чувства дикой природе, позволяя видеть и слышать ее так, как не дано было ни одному смертному. Изабель чуяла запах прелых листьев под слоем снега, чуяла рыбу в ручье, слышала, как устраивается на ночлег семейство белок – там, высоко, среди верхушек деревьев. Чувствовала пульс жизни, бьющийся под поверхностью вещей. «Древние силы, – подумала она, – древнее, чем сама земля». И когда она бежала вот так – прыгала, как олень, мчалась сквозь лес с открытой хранителю этой земли душой, – она почти забывала о том, что было у нее отнято.

Вместе с ручьем они поднырнули под шоссе, обогнули несколько домов, и выбежали из-под деревьев на поле позади старшей школы. Школа была все та же – по крайней мере,

на вид – как тогда, когда она туда ходила, уже больше сорока лет назад. Она посмотрела на темные окна и задумалась, ходил ли в эту школу ее сын.

Маква поднял руку, и они остановились. Он указал вверх, на низкие тучи. В этот раз Изабель разглядела два пятнышка, круживших где-то в миле отсюда, над младшей школой, расслышала далекие крики воронов. Ее сердце заколотилось сильнее.

– Он все еще здесь!

Изабель почувствовала, как внутри нее вновь оживает надежда. В этот раз они знали марку пикапа и видели, как выглядит тот человек. Ему не уйти.

Маква покачал головой. Вид у него был неуверенный.

– Что? – спросила Изабель. – Что теперь не так?

– Они зовут его. Зовут Санта-Клауса. Он уже должен быть близко.

Двое братьев согласно кивнули.

– О, это чудесно, просто чудесно, – сказал Вернон. Судя по голосу, он был близок к истерике. – И что же нам теперь делать?

– Мы его опередим, – уверенно сказала Изабель.

– Это, конечно, прекрасно и удивительно, но что, если мешок уже у него?

– Тогда мы его отнимем, – сказала она, не испытывая ни малейшей радости по этому поводу.

Прибавить к этому было больше нечего; все они понима-

ли, что она имеет в виду. Крампус дал им прямой приказ. Они полностью принадлежали ему; та же кровь, что позволяла Бельсникелям бегать, подобно оленям, полностью подавляла их волю. Потребуй Крампус, чтобы они зубами перегрызли себе вены, напевая при этом песенку, они ничего не смогли бы с этим поделать. Им было приказано принести мешок – любой ценой, так что они будут пытаться это сделать, до последнего вздоха, даже если для этого придется пойти напрямиком в пасть чудовищам Санты.

– Мы тратим время зря, – сказала Изабель, и бросилась вперед. Остальные Бельсникели последовали за ней.

Она бежала так быстро, как только могла, и на бегу впитывала в себя окружающую красоту – тысячи оттенков пурпура и синевы, шелковый покров сумерек, накрывающий горы, – зная, что, может быть, больше она этого не увидит.

* * *

Чет выбрался из пикапа.

– Ну, я ж знал, что на тебя можно положиться, парень. – Он подошел к Джессу и похлопал его по спине. – Наш человек. – Чет присмотрелся к машине Джесса и склонил голову на бок. – Что за херня приключилась с твоим пикапом?

Линэрд вылез из Четового «Шеви» с другой стороны и, подойдя к Джессу сзади, схватил его за шкуру.

– Эй! – вскрикнул Джесс. – Убери от меня свои чертовы

лапы!

– Охолони, – сказал Линэрд и принялся охлопывать Джесса со всех сторон. Обнаружил в кармане куртки пистолет и извлек его оттуда.

– Что? Вы у меня пушку хотите забрать? Какого хрена?

– Да успокойся уже. Как закончим, получишь свою пукалку обратно, – Линэрд положил пистолет на капот Джессовой машины. – Просто хочу быть уверен, что ты не выкинешь ничего, о чем потом будешь жалеть.

– Как рука? – спросил Чет и улыбнулся.

– Давайте уже с этим поскорее покончим.

– Да, с энтузиазмом у него плоховато.

– У меня есть чем заняться, кроме как слушать вас, придурков.

Чет посмотрел на Линэрда, подняв брови.

– Джесс, я это пропущу мимо ушей, потому как ты чересчур туп, чтобы разговаривать по понятиям.

Джессу показалось, он уловил движение в кустах позади Линэрда.

Чет проследил за его взглядом.

– Расслабься, – сказал он. – Никого там нет. Кроме того, твой дружок Диллард нас прикрывает.

Джесс, втянув воздух сквозь зубы, попытался привести нервы в порядок, и изо всех сил постарался не думать о горящих оранжевых глазах.

– О, чуть не забыл, – сказал Чет. – Думаю, тебе это понра-

вится... Племянник мой чуть не двинулся от счастья, когда я ему ту твою приставку подарил. Аж весь посинел. Я уж думал, сейчас обделается, прямо на ковер.

– Я охренительно рад это слышать, – прервал его Джесс, натужно улыбаясь во весь рот.

– Чё? – Чет поглядел на Линэрда. – Мне это кажется, или Джесс сегодня какой-то чудной?

– Джесс всегда чудной, – ответил Линэрд.

Чет, сощурившись, опять посмотрел на Джесса – изучающе, будто тот только что сбежал из зоопарка.

– Н-да, тут ты прав, – Чет выудил из кармана жестянку жевательного табака, открутил крышку, достал щепоть и сунул за щеку. Джессу казалось, что двигается он будто в замедленной съемке.

– Ладно, сладкий ты мой, – продолжил Чет. – План таков. Как я уже говорил, нужно по-быстрому смотаться в Чарльстон. Все туда же, ничего не изменилось. В этот раз встречать тебя будет Джош – братан его опять в тюрьме, за вождение в нетрезвом. Жена его залог платить отказалась, – Чет фыркнул. – Честно, мне кажется, за решеткой он ей нравится больше. Ну, короче, Джош будет ждать тебя к девяти. Сделай нам всем одолжение, будь там вовремя. Не хочу, чтобы он мне потом мозг полоскал. Зуб даю, Джош этот иногда нудит, как старая баба. Так что не...

– Я буду там вовремя, – сказал Джесс, рыская взглядом по кустам.

– Дааа... Ну ладно тогда, – Чет помолчал. – Ты что, под кайфом, что ли?

– Нет.

Сомнения у Чета явно остались. Он кивнул Линэрду, и тот, расстегнув куртку, вынул из-за пазухи большой коричневый пакет, обклеенный скотчем.

– У Джоша будет для тебя шесть кусков.

– Шесть тысяч? – вырвалось у Джесса.

Чет внимательно оглядел Джесса, сплюнул табак в снег.

– Ага, шесть. Ты смотри только, без шуток. Помни, что сказал Генерал насчет твоей дочки. Я серьезно, Джесс. Ради нее – смотри, не сбейся с пути.

Джесс стиснул зубы.

Чет ткнул большим пальцем в сторону патрульной машины Дилларда.

– Поедешь за Диллардом до самого Ливуда. Мартин сказал, он сегодня на дежурстве, так что с федеральным шоссе проблем не будет. Как выглядит твоя машина, он знает. Так что, если заметишь у себя на хвосте патрульную машину, не бзди, – Чет хлопнул Джесса по плечу. – Видишь, гитарист, задницу твою мы прикрыли. И Генерал увеличил твою долю до трех сотен – ну, чтобы было без обид насчет дыры у тебя в руке. Три сотни – практически ни за что. Можешь послать ему благодарственную открытку, если хочешь.

Линэрд шагнул к пикапу Джесса и открыл дверцу со стороны пассажира. Мешок Санты вывалился прямо на землю.

Откуда-то сверху послышалось громкое карканье.

Линэрд нагнулся поднять мешок.

– Эй, не смей это трогать! – заорал Джесс и прыгнул к мешку.

У Линэрда в руке немедленно появился большой охотничий нож, и нацелен он был прямо Джессу в сердце. Линэрд был не самым крупным из Боггзов, но он был быстрый, очень быстрый. Джесс остановился, подняв руки.

– Просто хотел мешок из грязи поднять.

– Почему бы тебе не оставить его, пока я не закончу, – сказал Линэрд. Джесс отступил.

– Черт, Джесс, – сказал Чет. – Тебе надо перестать, на хрен, так дергаться.

Линэрд сунул пакет под сиденье Джесса.

– И что за херня такая сегодня с этими птицами? – спросил Чет, ни к кому в особенности не обращаясь.

Линэрд поднял мешок Санты и забросил обратно в кабину, даже не поглядев.

– Э-эй, – протянул Чет. – Это что, мешок Санта-Клауса? Да, точняк. Что за черт, Джесс? Ты что, в Санту решил поиграть?

– Оставь мешок в покое, – сказал Джесс.

– Никому не нужен твой дурацкий мешок, – тут Чет еще раз поглядел Джессу в лицо и явно задумался. Сощурившись, посмотрел на мешок. – Да что там у тебя такое? – Чет похлопал по мешку. – Странно, – сказал он. Ткнул в ме-

шок пальцем. Понаблюдал, как тот медленно восстанавливает форму. – Линэрд, ты это видел?

Боггз только хмыкнул.

Чет опять вытащил мешок из машины. Карканье стало громче.

– Чертовы птицы, они что, совсем долбанулись?

– Не трогай мешок, – сказал Джесс, делая шаг вперед.

Линэрд схватил его, толкнул на капот и сунул под нос нож.

– Ничему ты не учишься, парень.

Чет присвистнул.

– Ты только посмотри на него! Как раздухарился. Там, должно быть, что-то хорошее лежит. – Он развязал золотой шнур и глянул внутрь.

– Ну? – спросил Линэрд.

У Чета был озадаченный вид.

– Что? – спросил Линэрд.

– Не, это реально странно. Там как будто какая-то...

Из-за деревьев выскользнула тень и прыгнула на Чета. Это был один из этих – один из «чертей». Он вырвал мешок у Чета из рук, толкнув его при этом так, что тот полетел в снег.

Линэрд среагировал немедленно, без колебаний. Он бросился на тварь, неистово полосуюя ножом, и таки зацепил ее плечо. «Черт» повернулся – неестественно быстро – и, размахнувшись мешком по широкой дуге, точно обезумевший боец на подушках, хватил Линэрда точно в грудь, да так, что тот повалился на капот Джессова пикапа. Боггз схватил с ка-

пота валявшийся там пистолет Джесса, и, еще в развороте, начал стрелять. Первая пуля ушла «в молоко», но вторая зацепила «черта» за щеку. Тварь пошатнулась, упала, но мешка не выпустила.

Прежде чем Линэрд успел спустить курок в третий раз, из темноты вылетело копьё и вонзилось ему в грудь, а следом из кустов вынырнуло еще двое «чертей». Они врезались в Боггза, толкнув на пикап с такой силой, что машина так и запрыгала на рессорах. Один из них быстрым движением ножа вскрыл Линэрду горло, а другой в то же самое время вырвал у него из рук пистолет. Линэрд, хватаясь за копьё, повалился на землю. Из широкой раны на горле хлестала кровь.

Подбежали еще двое адских созданий и остановились, переводя взгляд горящих оранжевых глаз с мешка на истекающего кровью Линэрда. Один из них подхватил раненого «черта» и помог ему подняться на ноги, другой забрал мешок.

– Кто вы, на хрен, такие? – заорал Чет из сугроба. Он с яростью поглядел на Джесса. – Ты нас подставил! Ты, на хрен, всех нас подставил! Считай, ты труп! Вся твоя семья – трупы!

Вороны были теперь у них прямо над головами, они прыгали по веткам и каркали, каркали, каркали.

– Санта-Клаус. Он здесь, – сказал один «черт» – высокий, в лохматой шкуре. И указал через дорогу на поле, полого спускавшееся к обочине. Джесс тоже туда посмотрел, но ни-

чего не увидел.

– О, господи, боже мой! – закричал другой «черт». При себе у него был сделанный из винтовки обрез, но вид у него был донельзя испуганный.

Чет воспользовался этим моментом, чтобы вскочить и броситься бегом к машине Дилларда, вопя при этом изо всех сил: «ЭТО ПОДСТАВА! ПОДСТАВА!». «Чертей» это, казалось, нимало не обеспокоило: их оранжевые глаза были устремлены на что-то по ту сторону дороги – казалось, они боялись даже пошевелиться.

– В пикап, быстро! – заорал один из них, тот, что с пистолетом. Судя по голосу и хрупкому телосложению, это была женщина или, может быть, девушка.

«Черти» задвигались.

Женщина навела пистолет на Джесса.

– Ты! Поведешь. – И, сочтя, что Джесс двигается недостаточно быстро, она впихнула его в кабину через дверь со стороны пассажирского сиденья, а потом скользнула следом. – Вытащи нас отсюда, или все мы, считай, мертвы.

Джесс покосился на тело Линэрда, лежавшее в окровавленном снегу. Ясно было, что эти существа, кем бы они ни были, шутить не собирались. Он завел мотор, а остальные «черти» набились в кузов, прихватив с собой мешок Санты. Включив фары, Джесс увидел плотную фигуру, которая бежала по направлению к ним через детскую площадку. Выглядела она как-то знакомо.

– Езжай! – заорала женщина-«черт». – Езжай!

Джесс нажал на газ, думая выбраться отсюда через нижний выезд со школьной парковки. Навстречу ему, слепя, вспыхнули фары. Это был Диллард. Послышался рокот мощного мотора – шеф погнал патрульную машину им наперерез.

– Твою мать! – вскрикнул Джесс. Его план катился псу под хвост.

Грохнул выстрел, потом еще один, и последнее оставшееся у пикапа зеркало разлетелось на куски. Джесс втопил педаль в пол – глубже не получалось – да что толку: Диллард все равно выиграл бы эту гонку.

Джесс увидел безумную ухмылку соперника, увидел дуло пистолета. Вспышка. В двери появилась дыра размером с палец, и выходное отверстие – в лобовом стекле. Мгновение спустя пулю догнал звук выстрела. Джесс прекрасно понимал: это было именно то, чего хотел Диллард, о чем тот мечтал – шанс его пристрелить.

На дорогу перед пикапом, прямо в лучи фар, выскочил человек. Это был тот тип в костюме Санты: зубы оскалены, на лице – злобная гримаса, в руке – меч. Человек бежал прямо на них.

– Эй! – заорал Джесс и вывернул руль, отчаянно пытаясь избежать столкновения. «Санта» взмахнул мечом и опустил его на капот, начисто срезав одну из фар. Лезвие проскрежетало по крылу автомобиля; посыпались искры. «Санту»

развернуло и он оказался прямо на пути у набирающей скорость патрульной машины. Раздался глухой, но очень громкий звук: столкновение развернуло машину Дилларда так, что она съехала кювет, а человек в костюме Санты, кувыркаясь, покотился по парковке.

Джесс вывернул на дорогу, ударил по тормозам и обернулся, молясь про себя, что вот сейчас он увидит мозги Дилларда, размазанные по лобовому стеклу патрульной машины. Всё и без того хуже некуда, и будет только справедливо, если хоть что-то пойдет так, как нужно. Джессу случалось видеть, что делает с машиной сбитый олень, но автомобиль Дилларда выглядел так, будто сбил по меньшей мере корову. Джесс заметил раздувшуюся подушку безопасности, и у него упало сердце.

– Вот дерьмо.

– Он мертв? – спросила женщина-«черт». – Да ведь?

До Джесса вдруг дошло, что она имеет в виду «Санту», а не Дилларда.

– Нет, – ответил один из «чертей». – Мне так не кажется.

Джесс покрутил головой, ища взглядом неподвижное тело, но, к своему удивлению, увидел поднимавшегося на ноги «Санту», который с виду нисколько не пострадал. Вверху, над их головами, кружили и каркали вороны. «Санта» повернулся и посмотрел куда-то вдаль, на дорогу.

– Они идут, – сказал высокий «черт». – Посмотрите... Посмотрите, вот они!

И Джесс увидел две тени, что неслись по шоссе галопом, по направлению к ним. Джесс сначала даже не понял, что это перед ним такое. Выглядели они как какие-то лохматые собаки, или, может, волки, только огромные – размером почти с быка. Они были меньше чем в сотне ярдов, и расстояние это стремительно сокращалось.

– *Езжай!* – заорала женщина, и все «черти» подхватили: – Езжай! Езжай! Езжай!!!

Джесс прекрасно их понимал: кем бы те лохматые ни были, сводить близкое знакомство с этими тварями он не собирался. Он решительно нажал на газ, и пикап тронулся с места. Восьмицилиндровик кряхтел и стонал, и стрелка спидометра медленно ползла вверх: двадцать... тридцать... сорок.

– Ну, давай же! – заорал он на старенький «Ф-150». – Давай, детка! Ты можешь!

Глава пятая

Монстры

Они потеряли волков из виду по крайней мере десять миль назад, но все «черти», как один, продолжали неотрывно смотреть на дорогу позади них. Никто не сказал ни слова, пока они не выехали на Восьмое шоссе, следуя вдоль берега Коул-ривер. Местность вокруг была холмистая и пустынная. Поскольку никто его пока не убил, Джесс подумал, что, может, у него есть еще шанс выбраться из этой передраги живым.

– Ну, – сказал он. – Где мне вас посадить?

Женщина-«черт» изучающе посмотрела на него. Огонь у нее в глазах угас, они не пылали как раньше, но тревожный оранжевый оттенок все же остался. Откинув капюшон куртки, она сухо ему улыбнулась и помотала головой. Волосы у нее были темные, тусклые, и сальные, очень короткие, будто обрезанные ножом. Серая кожа вся испятнана чем-то черным, и поэтому угадать возраст странной незнакомки было нелегко, но Джесс прикинул, что ей не было еще и двадцати. Окно между кузовом и кабиной отодвинулось, и один из «чертей» сунул голову в кабину. Он явно был постарше: лет около пятидесяти, лицо все в морщинах, и черная лохматая борода.

– Они от нас отстали!

– Нет, – поправил его сидевший рядом «черт». Это был тот, высокий, с рогами и в медвежьей шкуре. Его кожа, как и у других двух рогатых монстров, сидевших рядом с ним, была вся в черных пятнах – краска, или, может быть, деготь, – будто он нарочно пытался сделать ее как можно темнее. Высокий «черт» сидел пригнувшись, стараясь не задевать рогами крышу кузова. – Никогда они от нас не отстанут. Пока вороны за нами следят, – говорил он размеренно, и немного скованно; Джесс подумал, что парень, должно быть, из какого-то местного племени.

Женщина опустила окно со своей стороны и высунула голову, вглядываясь в ночное небо; в кабину ворвался порыв ледяного ветра. Она села на место.

– Их не видно. По крайней мере, я ничего не увидела.

– Они здесь, – сказал высокий. – Я их чую.

– Я лично ничего не чую, – сказал бородатый. – Откуда такая уверенность?

Высокий посмотрел на него с жалостью.

– Только не надо на меня так смотреть. Ненавижу этот взгляд, – бородач помолчал с минуту. – Ну... и что же мы собираемся с ними сделать?

– Сделать? – переспросила женщина. – Мешок у нас. Сделать мы можем только одно.

– Что? – закричал бородатый. – Просто отправимся обратно в пещеру? Но тогда мы просто приведем чудовищ прямо к нему. Не говоря уж о том, что и прямо к нам. Да это

же западня!

– Выбора у нас нет, – ответила она. – Таков был его приказ.

– Что ж, остается только надеяться, что наш старина Высокий-и-Ужасный сможет освободиться прежде, чем они до нас доберутся. Иначе нас всех ждет кошмарная смерть.

Все примолкли, и только одинокий дворник, скрипя, елозил туда-сюда по стеклу. Все они смотрели назад, на покрытую раскисшим снегом дорогу, убегавшую из-под колес в красном свете задних фонарей. Джесс заметил того, который получил пулю в лицо, – «черт» сидел, стиснув щеку; между пальцами сочилась кровь. Ему подумалось, что этот вряд ли продержится долго. А после того, как он увидел этих волков, было ясно, что никому из них долго не продержаться.

– Ну, ребята, – сказал Джесс, – было время подумать, где вас высаживать?

Они не обратили на него никакого внимания.

– Мы хоть в нужную сторону едем? – спросила женщина.

– Откуда мне-то знать? – ответил бородатый «черт».

– Ну, может, Макву спросишь.

Тот поморщился, но так и сделал, и вскоре между ним и типом в медвежьей шкуре разгорелась оживленная дискуссия, сопровождаемая бурной жестикуляцией. Потом бородач опять сунул голову в кабину.

– Да, похоже, мы едем, куда надо.

– Ты уверен? – спросила женщина.

– Нет, я не уверен. Но Великий Вождь Всезнайка считает именно так. И когда он бывал неправ?

Женщина пожала плечами.

Маква сунул руку в кабину, ткнув пальцем в направлении хребта, еле различимого на фоне темного неба.

– Н-да, мы поняли, – сказал бородач.

– Эй, а я знаю, где мы, – добавила женщина. – Тут должна быть дорога, где-то через милю, – она посмотрела на Джесса. – Понял? Как увидишь проселок, сворачивай.

– Ладно, конечно. Приторможу, и вы выпрыгнете.

– Нет, ничего подобного ты не сделаешь, – она посмотрела на него с грустью и мягко добавила: – Мне страшно жаль, но ты теперь в этом крепко замешан. Ты нам нужен – завезешь нас в горы, как можно выше.

– Ну, барышня, – сказал Джесс. – Я что-то не в настроении лезть в горы... Только не сегодня. Высажу вас здесь, и точка.

Она ткнула его пистолетом под ребра.

– Я тоже не в настроении стрелять в тебя, но я это сделаю.

Джесс кинул на нее быстрый, сердитый взгляд.

– И я не барышня. Меня зовут Изабель. – Немного помолчав, она спросила: – А тебя? Есть у тебя имя?

– Да, вообще-то есть. Я – Джесс.

– Ну, привет, Джесс. А это – Вернон.

Бородатый «черт» улыбнулся и протянул руку.

– К вашим услугам, – по тому, как он это сказал, Джессу стало ясно: бородач не отсюда. Откуда-то с Севера, наверное.

На протянутую руку Джесс посмотрел так, будто Вернон, по меньшей мере, на нее наплевал.

Улыбка «черта» увяла, и он убрал руку.

– Н-да, что ж... Вот этот исключительно неотесанный субъект, – тут он повел рукой в сторону высокого «черта» в медвежьей шкуре – Маква. Рядом с ним – Випи, а этот невезучий джентльмен с дырой от пули в лице – его брат, Нипи.

У Джесса появилось ощущение, что, несмотря на внешность, в этих созданиях – или людях, кем бы они ни были – отчаяния и страха было явно больше, чем желания кому-либо навредить. В любом случае, лично против него эти ребята, кажется, ничего не имели. Он, конечно, понимал, на что они способны – Линэрд с перерезанным горлом все еще стоял у него перед глазами, – но решил, что, может, они были не такими уж кровожадными монстрами, какими он их себе представлял поначалу. Но, как ни крути, отчаявшиеся люди бывают способны на страшные вещи, и Джесс решил, что, чем скорее он с ними расстанется, тем больше у него будет шансов дожить до завтра.

– Ребят, а что вы вообще такое?

– То есть? – спросила девушка.

– То есть – «то есть»? Вы, там, вервольфы, лешие какие-нибудь, или просто запоздали с Хэллоуином?

– Ну нет, – раздраженно ответила она, – ни то, ни другое, ни третье, спасибо большое. Я – такой же человек, как и ты.

Джесс рассмеялся, не слишком сочувственно:

– Нет. Совершенно точно не такой же, как я.

– Крампус зовет нас Бельсникелями, – вмешался Вернон. – Тебе придется спросить у него самого, что именно имеется в виду, – и горько он добавил: – Но как ни называй, это значит, что мы его слуги... его рабы.

– У меня есть другая идея, – сказал Джесс. – Может, вы меня просто отпустите? Без машины. А я попытаю удачи – глядишь, кто подвезет.

Изабель помотала головой:

– Прости, Джесс. Не получится.

– Черт, почему нет? Я вам свой гребаный пикап отдаю!

Что вам еще-то от меня надо?

Никто не ответил.

– Ну?

– Никто из нас не умеет водить.

– Что? – Джесс уставился на нее, а потом расхохотался. –

Да ты меня разыгрываешь?

Изабель нахмурилась.

– Мне еще шестнадцати не стукнуло, когда я ушла из дому. А у мамани уж точно машины не было.

– А как же старина Вернон? Или индейцы?

На это Изабель улыбнулась.

– Я бы посмотрела, как эти шауни пытаются водить. То есть, если меня в машине не будет. И я думаю, последним, чем управлял Вернон, была лошадь.

Бородач вздохнул:

– Когда я был человеком, автомобили встречались еще не слишком часто.

– О чем это ты?

– Дело в том, – сказал Вернон, – что мы все немного старше, чем кажемся. Мне было сорок девять, когда я занимался исследованиями этой части страны. Я тогда работал на Фэйрмонтскую угледобывающую компанию. Это было около тысяча девятьсот десятого года. А Изабель... ее мы нашли где-то...

– Это была зима семьдесят первого. Значит, мне сейчас где-то в районе пятидесяти.

Джесс уловил в голосе женщины печаль. Он покосился в ее сторону. Изабель молча глядела в окно, в темноту. Пятидесяти ей было дать нельзя. Никак.

– Что-то не сходится, – сказал Джесс.

– Знаю, – ответила она. – Совсем не сходится. Но что поделать, это правда. Это все Крампус... его волшебство. А что до индейцев... Черт, они с Крампусом чуть ли не с тех времен, как он впервые угодил в эту пещеру. По моим прикидкам, лет пятьсот.

Джесс заметил, что индикатор уровня топлива все еще горит, и решил, что этим можно воспользоваться. Он постучал по лампочке индикатора.

– Бензина почти не осталось. Боюсь, придется заправиться, прежде чем в горы ехать.

– Ничего, доберемся, – сказала Изабель.

– Мне бы твою уверенность.

– Ну, наверное, я просто оптимист по натуре.

– Да, – сказал Вернон. – И это очень раздражает. Лично я уверен, что оптимизм в больших количествах вреден для здоровья.

Маква сунул в кабину свою длинную руку:

– Туда.

Джесс притормозил, увидел отблеск отражателя на краю дороги, и только теперь разглядел съезд на узкий, запущенный проселок. Съезд зарос какими-то кустами; им явно не пользовались годами.

– Да вы что, шутите?

– Сворачивай.

Джесс подумал было открыть дверцу и выпрыгнуть из машины, но тут вспомнил, насколько быстро передвигаются эти создания.

– Черт, – только и сказал он, вырвав с шоссе. Пикап клюнул носом в придорожную канаву, а потом вынырнул оттуда, со страшным скрежетом проехавшись задним свесом по противоположной стенке канавы. Ветви заскребли по бортам с таким звуком, что у Джесса заломило зубы. Дорога шла круто вверх по узкому уступу на склоне холма – непростая задача для водителя, учитывая, что фара у него оставалась только одна. Пикап переваливался на обледенелых ухабах, и Джессу доставляло некоторое удовольствие слышать,

как «черти» бьются головами о крышу кузова. Тропа – дорогой это было назвать довольно трудно – шла вверх крутыми зигзагами, пересекая один и тот же ручей по крайней мере раз десять. Примерно полчаса спустя дорога резко оборвалась, упершись в завал.

– Остановись здесь, – сказала Изабель. – Под деревьями.

– Зачем?

– Просто остановись.

Джесс сделал, как ему было сказано, и Бельсникели один за другим посыпались из кузова. Маква – с мешком Санты на плече, а Нипи, тот, кому пуля попала в лицо, успел обвязать щеку какой-то тряпицей. Кровотечение, похоже, остановилось.

– Глуши мотор, – велела Джессу Изабель.

– Что?

– Ты идешь с нами.

– Хрена с два!

Потянувшись, она повернула ключи и выдернула их из замка зажигания.

– Эй!

Она сунула ключи в карман куртки, туда, где уже лежал его пистолет, вылезла из машины и обошла кабину кругом.

– Ты не захочешь остаться тут совсем один. Поверь.

– Нет, это несправедливо. Мы же договаривались.

– Ты прав, несправедливо. Все это – несправедливо, нам ли не знать. Но нам нужен этот пикап. А если мы оставим

тебя здесь, тебя съедят. И кто тогда повезет нас обратно?

Фраза насчет «съедят» Джессу совершенно не понравилась.

Изабель открыла дверцу.

– Не заставляй тебя оттуда вытаскивать.

Откуда-то издалека послышалась карканье. Все, как один, задрали головы.

– Надо спешить, – сказал Вернон.

– Твою мать, – сказал Джесс, но вырубил фару и вылез из машины.

Бельсникели устремились быстрой трусцой вверх по заросшему лесом склону. Изабель бежала, подталкивая перед собой Джесса.

– Ты же знаешь, что за нами охотится, Джесс. Так что лучше не отставай. Слышишь?

Джесс услышал откуда-то сверху далекое карканье, услышал, как грохочет у него в груди. Он мельком задумался, увидит ли он еще когда-нибудь Эбигейл.

* * *

Джесс брел, спотыкаясь и держась за бок. Холодный воздух обжигал горло, мышцы ломило от усталости, а пальцы уже ничего не чувствовали от холода. Дыра в руке пульсировала болью. По прикидкам Джесса, вот уже полчаса они шли, карабкались и бежали вверх по горному склону. Иза-

бель ждала его наверху, у конца тропы. Остальные Бельсники уже исчезли из вида, унеслись, едва касаясь твердой, мерзлой земли, а ведь у троих из них даже обуви не было.

Поравнявшись с Изабель, Джесс привалился к дереву и замер, хватая ртом воздух.

– Джесс, – сказала Изабель. – Нам надо идти.

Джесс потряс головой и сплюнул, пытаясь избавиться от жжения в горле.

– Не могу.

– Еще немножко.

– Знаешь, что я тебе скажу? – прохрипел он. – Просто брось меня здесь, на съедение волкам. Пусть меня лучше съедят, чем это.

Она покачала головой и улыbnулась уголком рта.

– Не заставляй меня тебя нести. – С этими словами женщина схватила его за руку и потащила за собой. Роста она, может, была и небольшого, но в ней чувствовалась недюжинная сила. Джессу было ясно, что Изабель и вправду могла бы его понести, если бы дело до этого дошло.

Между деревьями опять раскатился хриплый птичий вопль – как будто издалека, может быть, даже снизу, из долины. Джесс поглядел вверх, но небо заслоняли густые еловые лапы.

– Думаю, они нас потеряли, – сказала Изабель.

– Ты же говорила, что ты – оптимист. А я оптимистам не доверяю.

Они спустились немного вниз, в неглубокое ущелье. Она указала вперед:

– Вон туда.

Джесс не увидел ничего, кроме груды валунов у подножия скалы.

– Куда именно ты меня ведешь?

– Да все с тобой будет в порядке.

– В порядке? Это еще что значит?

– Просто следи за тем, что говоришь. Не расстраивай его.

– Ты про этого вашего Грампуса?

– Крампуса.

– Да кто вообще такой этот...

Изабель прижала палец к губам:

– Хватит.

Она потянула его за собой, в щель между двумя валунами. Пригнувшись, они нырнули под низкий каменный свод. Она вела его туда, где у дальней стены пещеры слабо мерцал свет. Они остановились у какой-то дыры. Джесс заглянул вниз и поморщился – пахло чем-то мертвым, разлагающимся; пахло зверем, живущим в клетке среди собственных отбросов. Снизу донесся вой. Люди так не воют, звери тоже. Джесс отступил на шаг, мотая головой:

– Ну уж нет.

Изабель схватила его за руку.

– Джесс, выбора у тебя нет, – из ее голоса напрочь исчезло любое тепло, остались лишь холод и суровость. Глаза жен-

щины светились злобным оранжевым огнем – как у дьявола, – и Джессу стало предельно ясно, что она ведет его в логово исчадий ада.

Джесс вырвал кисть из ее руки, кинул на Изабель горький взгляд и начал спускаться. Света, который шел откуда-то снизу, едва хватало, чтобы не навернуться на скользких камнях и не полететь вниз, навстречу верной гибели.

Наконец, его ноги коснулись грязного земляного пола. Он повернулся и замер. Джесс оказался в пещере размером с небольшую гостиную, пол которой был завален пустыми бутылками, костями, шкурами и обугленными кусками дерева. У стены лежали грудой одеяла и вязанки сена. На каждом выступе, на каждом камне горели свечи и масляные лампы. На покрытой сажей стене висела огромная замызганная карта мира, вся исчерченная углем: что-то вроде астрологических символов, таблиц – и паутина линий, соединяющих континенты. Остальное пространство сплошь покрывали разнообразные изображения Санта-Клауса: газетные вырезки, реклама из журналов, картинки из книжек... И на каждом из них у Санты были выколоты глаза.

Джесс озирался в поисках великого и ужасного Крампуса, монстра, вселявшего ужас в Бельсникелей, и чуть его не проглядел – тот сидел, скрестив ноги, на полу. Сидел в грязи и саже и трясся, прижимая к груди мешок Санта-Клауса. Из его лба торчали пеньки обломанных рогов, а вокруг тощего, изможденного лица курчавились длинные сальные волосы.

Чудище ухмыльнулось, а потом хихикнуло, обнажив желтые, в пятнах, клыки. Выглядело оно до невозможности худым, иссохшим, будто труп, будто сама смерть. Под тонкой, покрытой старческими пятнами кожей видна была каждая вена, каждая жилка. Позади него что-то извивалось; Джессу было показалось, что это змея, черная, волосатая змея, но через мгновение до него дошло, что у этого существа имелся хвост.

Прижав мешок Санты к груди, оно гладило его, будто потерянное и вновь обретенное дитя, дрожащими, скрюченными пальцами. Оно засмеялось, потом всхлипнуло, потом засмеялось опять, и из его раскосых мутных глаз катились слезы. Закинув голову, оно дико, безумно захихикало, и тут Джесс заметил железный, наглухо заклепанный ошейник, охватывавший его горло. От ошейника к стене тянулась цепь: странный, блестящий металл, какого Джессу никогда не приходилось видеть. Джесс никак не мог решить, какое чувство вызывает в нем это злосчастное создание: страх или жалость.

Изабель спрыгнула на землю рядом с ним и подбежала к скорчившемуся у стены существу.

– Крампус?

Существо даже не подняло взгляда.

Остальные Бельсникели стояли полукругом на приличном расстоянии от Крампуса, будто им страшно было подойти поближе, и бросали нервные взгляды – то друг на друга,

то вверх, в устье пещеры, точно волки в любой момент могли свалиться им на голову.

– Крампус, – повторила Изабель. – Санта-Клаус и его звери... Они нашли нас. Они, уже, наверное, близко.

Существо по-прежнему ее игнорировало.

Она положила руку ему на плечо и легонько встряхнула.

– Крампус, – сказала она мягко. – Чудовища! Они совсем скоро будут здесь.

Никакого ответа. Существо только раскачивалось взад-вперед; время от времени его пробирала крупная дрожь.

* * *

Закрыв глаза, Крампус прижался лицом к мешку и вдохнул. «Да, запах все тот же – запах огней Хеля. Сохранился, спустя столько веков». Запах напомнил ему о матери, о тех блаженных днях, когда мертвецы плясали у ее трона, и в мире все шло так, как надо. «Как долго я страдал, матушка». Ее лицо было у него перед глазами – мираж, трепещущий в синем пламени Хеля. Видение медленно исчезло. «Нет, матушка, не оставляйте меня. Только не сейчас». Он глубже зарылся носом в бархат, втянул в себя воздух. И отшатнулся, будто его укусили. «Что это?» Он впился взглядом в мешок, и его лицо исказило недоумение – и ярость. «Его вонь!» Его взгляд сфокусировался на мешке, и он впервые разглядел его как следует. И вдруг понял, что мешок был не черным, ка-

ким ему полагалось быть, а темно-алым. *Как кровь.*

Крампус оскалился.

– Ты извращаешь все, к чему ни прикоснешься! – прорычал он глубоким, низким голосом, и тут его охватил ужас. «Как? Каким образом Санта заставил служить себе мешок Локи?» Подобное деяние было просто невообразимо, ведь мешок подчинялся только роду Локи.

– Такое колдовство дается нелегкой ценой! – он уже почти кричал. – Сколько их тебе понадобилось? Сколько крови ты пролил, чтобы этого достигнуть?

Крампус отшвырнул от себя мешок и уставился на него, будто на воплощение зла. «Какое понадобилось могущество, чтобы свершить подобное? Каким сильным он стал колдуном». И в первый раз за все время Крампус усомнился. «Пока я тут гнил и увядал, его могущество росло». Он подтянул колени к груди, обхватил их руками и уткнулся лбом. «Придется преодолеть немало преград».

– Крампус? – голос откуда-то издалека.

– Крампус, они идут сюда. Чудовища идут сюда. Крампус, пожалуйста!

Он почувствовал на плече чью-то руку.

Крампус поднял глаза. «Это она. Конечно, это моя Изабель. Девушка с сердцем льва».

– Чудовища? – спросил он, скорее себя, чем кого-то другого.

Она кивнула.

– Чудовища какого рода?

– Мы видели по крайней мере двух. Кажется, волки. Огромные, как кони. Вороны вели их за нами. Нам надо...

– Так значит, великие звери Одина живы. Значит, старые боги пока еще не забыты, – это вызвало у него улыбку. – Вороны – это Хугин и Мунин, а волки, Гери и Фреки – вместе навек... Великолепные звери, – он поморщился. – Как же случилось, что они теперь под рукой Санты?

– Крампус, нам нужно...

– Поспешить. Да, я это знаю, и слишком хорошо. Если он найдет меня, то на этот раз он не оставит на растерзание стихиям. Меня разорвут на части, его монстры пожрут меня кусок за куском.

Она метнула нервный взгляд на мешок.

– И?..

– Ты хочешь сказать – чего я жду?

Она подобрала с пола мешок и положила перед ним.

– Ключ. Сколько раз ты говорил о ключе? Ну же, давай...

Бери ключ и валим отсюда.

Да, звучит просто. Как оно и должно было быть. Все, что нужно сделать, – представить себе ключ, держа мешок в руках, и отдать мешку приказ его найти. Мешок должен открыть дверь – в стене между «здесь» и «там» – и ключ можно будет просто взять, голыми руками. Потому что ведь это был мешок Локи, мешок трикстера, мешок, созданный с одной целью – красть. Тот самый, благодаря которому Локи

крал у других богов, крал все, что придется ему по нраву. И уж конечно, мешок никогда не был предназначен для чего-то настолько обыденного, как доставка игрушек маленьким мальчикам и девочкам. «Только Санта-Клаус был способен настолько извратить его суть».

– Что такое? – спросила Изабель. – Чего ты тянешь?

Он поглядел на нее, на Бельсникелей, жавшихся у стены, ощутил их нарастающую тревогу. «И правда, почему я тяну время, когда опасность столь велика? Быть может, мне страшно? Что, если мешок меня не услышит? Что, если я не смогу разрушить чары Санты? Тогда я останусь здесь, ждать смерти, а рядом, будто в насмешку, будет лежать мешок Локи. Последнее доказательство, что Санта во всем меня превзошел... Им будет этот мешок, что должен был стать средством моего спасения, а теперь послужит причиной моей гибели».

Крампус притянул к себе мешок, открыл, и заглянул в его туманные глубины. Руку он туда совать не стал, потому что знал: мешок был до сих пор открыт в то место, которым в последний пользовался Санта. Его замок, должно быть, или склад, – какое-то место, где он держит игрушки, которые раздает на Рождество. Место, где его волшебство сильнее всего, где его, Крампуса, рука, может быть поймана, и тогда он окажется в ловушке. «Эту дверь необходимо закрыть».

Он положил обе руки на мешок и сделал глубокий вдох.

– Локи, помоги мне, – он закрыл глаза и мысленно потя-

нулся, пытаюсь нащупать дух мешка, прикоснуться к нему своим духом. – Узри меня. Услышь голос своего хозяина.

Ничего. Совсем ничего.

И опять он потянулся духом, сосредоточил волю. Пещера и все, что его окружало, мало-помалу исчезло из его сознания; остался только он – и мешок.

– Это Крампус, Повелитель Йоля, кровь от крови великого Локи. Признай своего хозяина.

Ничего.

Хватая ртом воздух, Крампус уперся ладонями в землю. Попытался успокоить дыхание, изо всех сил противясь усталости и истощению. Посмотрел на мешок, на его алый, лоснящийся бок. Задумался.

– Кровь, – сказал он, наконец, и рассмеялся. – Его чары сплетены на крови, так что только кровь может их разрушить. Это же ясно, как день, но увы, боюсь, мой разум несколько затуманен.

Сунув в рот палец, он прикусил кончик и понаблюдал за тем, как набухает алая капелька крови. Притянул мешок к себе на колени и дал капле упасть на рыхлый бархат, где она засверкала, точно красная жемчужина.

– Признай мою кровь, – прошептал он, и медленно втер кровь в кроваво-красную ткань.

Ничего.

– Локи, услышь меня, – он ждал и ждал, и ничего – ничего, кроме его собственного тяжелого дыхания, грохотавшего

в ушах. И когда он уже больше не мог этого выносить, когда ему показалось, он вот-вот сойдет с ума, мешок чуть вздулся, и изнутри будто повеяло ветерком. До Крампуса донесся легкий аромат лесов Асгарда. И, еле слышно, будто издали, кто-то назвал его по имени.

– Локи? – спросил тихо Крампус. – Локи... Ты здесь?

Мешок опал. Из него больше не доносилось ни звука. Глаза Крампуса наполнились слезами.

– Локи? – Крампус смотрел, как по бархату расплзается темное пятно крови; трепещущие, извивающиеся щупальца мрака расплзались, двигаясь, сплетаясь с друг с другом, будто клубок растревоженных угрей, пока с поверхности мешка не исчезло последнее алое пятнышко.

Он утер слезы и улыбнулся.

– Одна капля. Всего одна капля моей крови – и только. Сколько бочек крови это стоило тебе, Санта-Клаус? – он рассмеялся. «Потому что мешок помнил, потому что мешок хотел помнить. Исправлено первое зло, одно из многих... Пролита первая капля крови... Первая капля в море».

Крампус покачнулся, заметил, что руки у него трясутся, и его улыбка превратилась в оскал. Он стиснул пальцы, стараясь сдержать дрожь. И почувствовал на плечах чьи-то сильные руки. Изабель.

– Получится? – спросила она. – Мешок найдет ключ?

– Я – хозяин мешка. Остается только надеяться, что у меня осталось еще достаточно сил, чтобы им повелевать.

Ему было нужно, чтобы мешок начал искать, нашел ключ, а потом открыл бы новую дверь. Как просто это было тогда, раньше, когда он был силен духом и полон жизненной силы. Но теперь, теперь мешок потребует тяжкую дань, потому что за волшебство всегда приходится платить. Он посмотрел на свои трясущиеся руки, тощие, немощные. «Ничего у меня не осталось». Он вдруг понял, что это усилие может его прикончить. По губам скользнула безрадостная улыбка. «А если ты не достанешь ключ? Что тогда?»

Он крепче стиснул мешок.

– Я выжат досуха, дружище. Мне нужна твоя помощь.

Закрыв глаза, Крампус представил себе ключ, удерживая его образ перед мысленным взором. Если бы он только знал, где находится ключ, он мог бы направить мешок в нужную сторону, и поиски были бы легче, а цена – не столь высока. Но он знал только, что ключ есть, поэтому мешку придется искать, используя его дух, его энергию. Раздался треск разряда; мешок у него в руке еле заметно шевельнулся. Он увидел пространство между мирами, потом облака, потом леса – он пронесся над ними со скоростью метеора, – потом деревья, озеро, потом – его глубины и, наконец, илистое дно.

– Ключ... Я его вижу! – воскликнул Крампус и распахнул глаза. У него закружилась голова, и он обмяк у Изабель на руках. Пещера расплывалась у него перед глазами; ему стоило огромного труда сохранять сознание. Он знал: если он сейчас отключится, то назад уже не вернется. Будет слишком

поздно.

Он потянулся к мешку, стиснул пальцами горловину и сунул туда руку. Его пальцы окунулись в холодную, ледяную воду. Крампус сунул руку еще глубже, погрузив ее в мешок по плечо. Его пальцы нашли дно, нащупали глину, ил, и принялись лихорадочно шарить, копать, пока не наткнулись на что-то твердое. Стиснув твердый предмет в кулаке, он вытащил из мешка руку.

С руки капало. Крампус разжал кулак, и – вот он, лежит у него на ладони, среди гальки и ила... Ключ. Крампус стер с блестящего металла грязь, и показались древние гномьи знаки, такие же, как те, что у него на ошейнике. Ключ даже не потускнел; как и ненавистный ошейник, он был откован из самозатягивающегося металла: давно забытое искусство кузнецов-гномов, сплавы, которые умели восстанавливать сами себя. Сколько бы ты их не резал и не дробил, они всегда срастались заново. Никто не знал их силу лучше него самого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.